

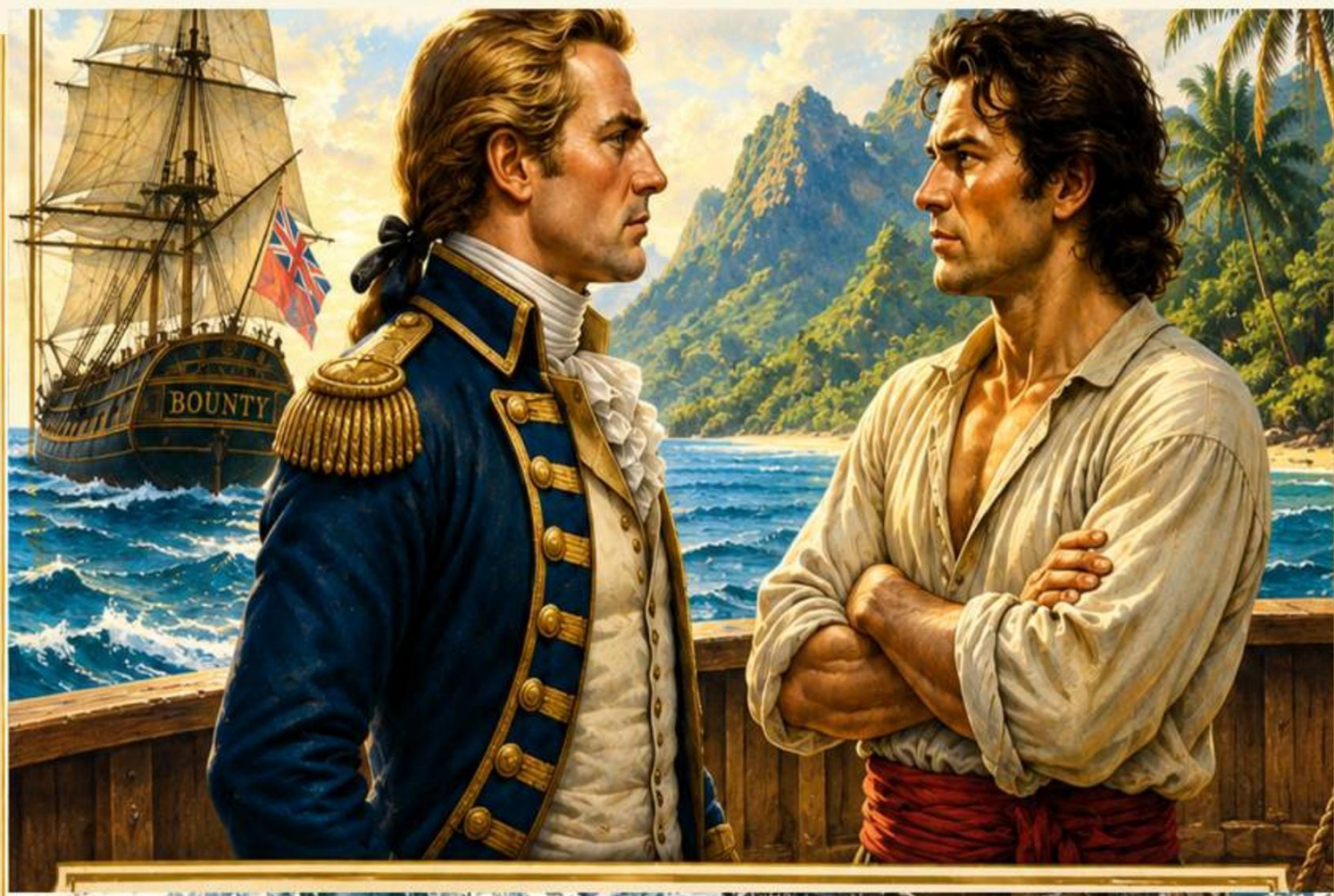

ОСКАРОНОСНЫЕ КНИГИ

ЧАРЛЬЗ НОРДХОФФ • ДЖЕЙМС НОРМАН ХОЛЛ

МЯТЕЖ НА «БАУНТИ»

ПЕРВАЯ КНИГА ТРИЛОГИИ
О КОРАБЛЕ «БАУНТИ»

ФИЛЬМ «МЯТЕЖ НА „БАУНТИ“» (1935)

8 НОМИНАЦИЙ НА ПРЕМИЮ «ОСКАР»

ПРЕМИЯ «ОСКАР» — ЛУЧШИЙ ФИЛЬМ

ПЕРЕВОД: ВЛАДИМИР ДАВЫДОВ

Джеймс Норман Холл
Мятеж на "Баунти"

«Автор»

2026

Холл Д.

Мятеж на "Баунти" / Д. Холл — «Автор», 2026

«Мятеж на Баунти» — это первая часть знаменитой морской трилогии Ч. Нордхоффа и Дж. Холла, в основу которой легла подлинная история из истории британского флота конца 19 века. В центре сюжета — плавание корабля «Баунти», отправившегося на Таити за саженцами хлебного дерева. Однако путь назад превращается в настоящий кошмар. Невыносимо суровая дисциплина и жестокость капитана Уильяма Блая доводят команду до предела. Возглавляемый помощником капитана Флетчером Кристианом экипаж поднимает дерзкий мятеж, высадив капитана и верных ему людей в открытый океан. Роман передаёт романтику морских путешествий, дух свободы экзотических островов и неизбежный трагизм человеческих конфликтов. Книга легла в основу нескольких знаменитых экранизаций. Наибольшую известность получила голливудский фильм 1935 года с Кларком Гейблом и Чарльзом Лотоном в главных ролях. Фильм завоевал престижную премию «Оскар» в главной номинации «Лучший фильм», а также вошёл в историю кино как классика приключенческого жанра.

© Холл Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие переводчика	5
Предисловие	7
Главные герои романа	9
Уильям Блай (капитан)	9
Флетчер Кристиан (старший помощник / штурман)	10
Роджер Байам (рассказчик)	11
Эдвард Янг и другие члены экипажа	12
Глава I	13
Лейтенант Блай	13
Глава II	20
Морской закон	20
Глава III	27
В море	27
Глава IV	35
Тирания	35
Глава V	45
Таити	45
Глава VI	50
Таитянский дом	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Мятеж на "Баунти"

Предисловие переводчика

«Мятеж на „Баунти“» Чарльза Нордхоффа и Джеймса Нормана Холла — один из тех романов, в которых историческое событие постепенно превращается в живой человеческий мир. За знакомым словом «мятеж» здесь стоят не только корабль, приказ и нарушение морского закона, но и люди, вынужденные выбирать между долгом, страхом, достоинством, дружбой и собственной совестью.

Авторы опирались на реальные события знаменитого плавания «Баунти», однако создали прежде всего художественное произведение. Поэтому читателю важно помнить о двойной природе книги: рядом с историческими фигурами Уильяма Блая и Флетчера Кристиана действует Роджер Байам — литературный герой, через которого мы видим корабельную жизнь, Таити, последствия мятежа, возвращение в Англию и драму военно-морского суда.

Работая над новым русским переводом, я стремился сохранить ясность и движение оригинального повествования, морскую атмосферу романа и различие голосов его героев. Особое внимание уделялось морской терминологии, названиям должностей и реалиям XVIII века, но при этом текст должен был оставаться естественным для современного русского читателя, а не превращаться в историко-морской справочник.

У этой книги есть и необыкновенная экранная судьба. Экранизация 1935 года с Кларком Гейблом, Чарльзом Лоутоном и Франкотом Тоуном получила премию Американской киноакадемии за лучший фильм и стала одной из самых знаменитых кинематографических версий истории «Баунти». Именно поэтому в настоящем издании после романа помещена большая иллюстрированная бонусная часть — о реальном маршруте корабля, людях «Баунти», Таити и Питкэрне, морском языке, суде над мятежниками, истории и кино.

Мне хотелось, чтобы читатель получил не только роман, но и возможность после последней страницы ещё немного остаться в его мире — увидеть, где заканчивается документ и начинается литература, как менялся образ участников мятежа и почему история небольшого корабля продолжает волновать людей более двух столетий.

Владимир Давыдов

Предисловие

23 декабря 1787 года вооружённое транспортное судно Его Величества «Баунти» вышло из Портсмута, отправляясь в одно из самых необычных, богатых событиями и трагическими плаваний, какие когда-либо выпадали на долю английского корабля. Ему предстояло достичь острова Таити — или Отаити, как называли его в те времена, — лежащего в Великом Южном море, собрать там молодые хлебные деревья и доставить их в Вест-Индию. Предполагалось, что деревья приживутся на новом месте и со временем станут источником дешёвой и обильной пищи для чернокожих рабов английских плантаторов.

Рассказать о событиях этого плавания и составляет цель нашей истории. *«Мятеж на „Баунти“»*, открывающий повествование, рассказывает о путешествии из Англии, долгом пребывании на Таити, пока собирали предназначенные для перевозки молодые хлебные деревья, об отплытии корабля в обратный путь, о самом мятеже и о судьбе тех членов команды, которые впоследствии вернулись на Таити. Большинство из них в конце концов были захвачены экипажем корабля Его Величества «Пандора» и в кандалах отправлены в Англию, где им предстояло предстать перед судом.

Рассказчиком этой части истории авторы сделали вымышленного персонажа — Роджера Байама, который вспоминает о случившемся уже в старости, после ухода в отставку из военноморского флота. Реальным прототипом Байама был Питер Хейвуд; именно поэтому его имя исключено из приведённого в книге списка команды «Баунти». Судьба мичмана Байама во многом повторяет судьбу мичмана Хейвуда. Пользуясь свободой, которой располагает автор исторического романа, мы положили историю Хейвуда в основу биографии Байама, хотя, разумеется, не следовали ей во всех подробностях. Что же касается главного — мятежа и последовавших за ним событий, — здесь мы придерживались фактов, сохранившихся в документах Британского Адмиралтейства.

«Люди против моря», вторая часть повествования, рассказывает о капитане Блае и восемнадцати оставшихся ему верными людьми, которых утром в день мятежа мятежники высадили с «Баунти» в открытый двадцатитрёхфутовый баркас шириной всего шесть футов девять дюймов. На этом крошечном судёнышке капитан Блай провёл своих людей через 3600 миль океана — от острова Тофоа (ныне чаще называемого Тофуа), входящего в группу островов Дружбы, или Тонга, до Тимора в Голландской Ост-Индии.

Сведения о ветрах и погоде в *«Людах против моря»* взяты непосредственно из журнала капитана Блая — кратких ежедневных записей, ставших главным литературным источником этой части повествования. История плавания рассказана от имени одного из переживших его участников — Томаса Ледварда, исполнявшего обязанности корабельного хирурга на «Баунти». Медицинские знания и опыт наблюдения за человеческими страданиями делали его особенно чутким и надёжным свидетелем.

«Остров Питкэрн», завершающий повествование, — пожалуй, самая необычная и романтическая его часть. После двух неудачных попыток обосноваться на острове Тупуаи — или Тубуаи, как теперь чаще пишется это название, — мятежники вернулись на Таити и разделились. Флетчер Кристиан, исполнявший обязанности лейтенанта «Баунти» и ставший зачинщиком мятежа, вновь поднялся на борт корабля и отправился в неизвестном направлении. Вместе с ним отплыли восемь его товарищей и восемнадцать полинезийцев — двенадцать женщин и шестеро мужчин. Они покинули Таити в сентябре 1789 года, и следующие восемнадцать лет о них ничего не было известно.

В феврале 1808 года американское промысловое судно «Топаз», зайдя на Питкэрн, обнаружило на этом клочке земли, считавшемся необитаемым, процветающую общину смешанного происхождения: несколько полинезийских женщин средних лет и более двадцати детей. Во

главе их стоял седовласый английский моряк Александр Смит — единственный оставшийся в живых из пятнадцати мужчин, высадившихся здесь много лет назад. До нас дошло несколько различных и во многом противоречащих друг другу рассказов о том, что происходило на Питкэрне в течение восемнадцати лет, предшествовавших появлению «Топаза». Прямо или косвенно все они восходят к Александру Смигу, позднее называвшему себя Джоном Адамсом.

Впервые он рассказал эту историю капитану Фолджеру с «Топаза»; затем, в 1814 году, — капитанам Стейнсу и Пипону с английских фрегатов «Бритон» и «Тагус»; в 1825 году — капитану Бичи с корабля Его Величества «Блоссом»; и, наконец, в 1829 году — Ж. А. Моренхауту, автору *«Путешествий по островам Великого океана»*. Позднее появились и другие свидетельства: в 1850 году Уолтер Броди записал рассказ Артура, сына Мэтью Квинтала, а Розалинд Янг в своей *«Истории острова Питкэрн»* привела некоторые подробности, сохранившиеся в памяти Элизы, дочери Джона Миллса, прожившей до девяноста трёх лет.

Все эти свидетельства заметно расходятся между собой. Поэтому авторы, тщательно изучив каждый из сохранившихся рассказов, приняли ту хронологию и последовательность событий, которые, по их мнению, наиболее убедительно объясняют связь причин и следствий. История первых лет жизни на Питкэрне была трагической — возможно, иначе и быть не могло. Пятнадцать мужчин и двенадцать женщин, принадлежавших к двум совершенно различным расам, оказались на маленьком острове, затерянном в одном из самых безлюдных уголков мира.

Десять лет спустя, несмотря на множество родившихся детей, в живых оставались лишь один мужчина и десять женщин. Из шестнадцати умерших пятнадцать погибли насильственной смертью. В этом сходятся все сохранившиеся свидетельства. И если временами в повествовании о Питкэрне кровь льётся слишком обильно и один ужас следует за другим, причина не в желании авторов сгущать краски. Такова была история Питкэрна.

Но итог тех первых бурных лет оказался не менее удивительным, чем сама цепь случайностей, приведшая к заселению острова. Все, кому посчастливилось побывать в колонии Питкэрн в первой четверти XIX века, единодушно свидетельствовали: перед ними словно ожила картина золотого века. Читатель, заинтересованный в источниках, посвящённых мятежу на «Баунти», найдёт исчерпывающую библиографию книг, статей и неопубликованных рукописей в приложении к книге Джорджа Маканесса *«Жизнь вице-адмирала Уильяма Блая»*, изданной фирмой «Ангус и Робертсон» в Сиднее, Австралия.

Среди основных источников, которыми пользовались авторы, были: *«Протокол разбирательства военного суда по делу лейтенанта Уильяма Блая и некоторых членов его команды, созванного для выяснения причин гибели корабля Его Величества „Баунти“»*; *«Рассказ о мятеже на борту корабля Его Величества „Баунти“ Уильяма Блая»*; *«Путешествие в Южное море» Уильяма Блая*; *«Мятеж и пиратский захват корабля Его Величества „Баунти“ сэра Джона Барроу»*; *«Остров Питкэрн и его жители» Уолтера Броди*; *«Мятежники с „Баунти“ и их потомки на островах Питкэрн и Норфолк»* леди Белчер; *«Блай с „Баунти“»* Джеффри Роусона; *«Плавание корабля Его Величества „Пандора“»* Э. Эдвардса и Дж. Гамильтона; *«Жизнь вице-адмирала Уильяма Блая»* Джорджа Маканесса; *«История острова Питкэрн»* Розалинд Янг; *«Второе путешествие капитана Блая в Южные моря»* И. Ли; *«Регистрационная книга острова Питкэрн»*; *«Исторические документы Нового Южного Уэльса»*; путешествия Кука, Хоксворта и Бичи; *«Исследования Полинезии»* Эллиса; *«Древний Таити»* Теуры Генри; а также *«Воспоминания о Питере Хейвуде»*.

Два превосходных исследования современных потомков мятежников с «Баунти» с точки зрения антропологии принадлежат доктору Гарри Шапиро — *«Потомки мятежников с „Баунти“»* и *«Наследие „Баунти“»*. Мы хотим также выразить сердечную благодарность мистеру Н. К. Уайету, чьи иллюстрации придали истории «Баунти» и её людей столько красок и живой выразительности. Июнь 1940 года. Дж. Н. Х. Ч. Н.

Главные герои романа

Уильям Блай (капитан)

Сложный, противоречивый и драматичный персонаж, исторический капитан корабля. С одной стороны, он блестящий, высококлассный штурман и моряк, искренне преданный интересам Британской короны. С другой стороны, его деспотичный характер, мелочные придирки, жестокая дисциплина и несправедливость по отношению к команде, особенно в вопросах пайков и наказаний, доводят экипаж до точки кипения. Его воля и стойкость проявляются позже, когда выброшенный в шлюпку капитан совершает легендарный переход через океан.

Флетчер Кристиан (старший помощник / штурман)

Главный антагонист Блая по ту сторону конфликта, благородный, образованный и гордый офицер. Изначально он друг и сподвижник Блая, но постоянное унижение человеческого достоинства и невыносимо тяжёлые условия службы превращают его в лидера мятежников. Кристиан умом понимает всю катастрофичность и незаконность своего шага — измена родине карается смертной казнью, — но внутренний надлом и отчаяние толкают его на бунт.

Роджер Байам (рассказчик)

Молодой мичман, от лица которого во многом ведётся повествование. Интеллигентный, наблюдательный и сочувствующий юноша. Байам искренне любит море и приключения, привязывается к Таити и оказывается в трагическом положении: во время бунта он физически не принимает активного участия в захвате корабля на стороне мятежников, но из-за стечения обстоятельств и долгого пребывания на острове оказывается перед лицом британского военно-морского суда.

Эдвард Янг и другие члены экипажа

Яркая палитра матросов и офицеров: среди них есть как преданные долгу и капитану люди, так и озлобленные или запутавшиеся матросы. Они создают живой фон эпохи, показывая, как атмосфера на корабле способна расколоть дружный коллектив на фанатичных приверженцев порядка, отчаянных бунтовщиков и несчастных нейтральных заложников судьбы.

Глава I

Лейтенант Блай

Другие народы нередко упрекают англичан в нелюбви к переменам, и, пожалуй, это справедливо: Англия особенно дорога нам именно теми чертами природы и уклада жизни, которые меньше всего меняются с течением времени. Здесь, на западе страны, где я родился, люди немногословны, крепко держатся своих убеждений и ещё более, чем их соотечественники в других краях, не любят всяческих новшеств. Дома моих соседей, коттеджи арендаторов, даже рыбацьи лодки, выходящие в Бристольский залив, по-прежнему строятся по образцам более простой эпохи. И старому человеку, сорок лет из своих семидесяти трёх проведшему в море, простительно с некоторой нежностью относиться к местам своей юности и радоваться тому, как мало изменило их время.

Нет людей более приверженных традиции, чем те, кто проектирует и строит корабли, — разве только те, кто на них плавает. А поскольку штормы в море случаются реже, чем воображают некоторые сухопутные жители, жизнь моряка состоит главным образом из ежедневного выполнения одних и тех же обязанностей — определённым образом и в определённое время. Сорок лет такой жизни сделали меня рабом привычки, и я до сих пор, почти против собственной воли, живу по часам. Мне совершенно незачем каждое утро вставать в семь, и всё же в семь часов я неизменно уже одеваюсь. Мой экземпляр *Times* дошёл бы до меня и в том случае, если бы я не приказывал к десяти оседлать лошадь, чтобы съездить в Уотчет за почтой. Но привычка сильнее меня, а в старой Тэкер, моей экономке, она обрела надёжного союзника: я с тайным весельем замечая, как моя неизменная размеренность облегчает ей работу, и потому она всячески старается её поддерживать.

О том, чтобы уйти на покой, Тэкер и слышать не желает. Хотя теперь ей, должно быть, уже около восьмидесяти, ходит она всё ещё проворно, а в чёрных глазах по-прежнему вспыхивает отблеск прежнего озорства. Мне было бы приятно поговорить с ней о тех временах, когда моя мать ещё была жива, но стоит мне попытаться вызвать её на воспоминания, как она без промедления ставит меня на место. Слуга и хозяин — а до церковного кладбища обоим уже рукой подать! Теперь я одинок; когда не станет Тэкер, я останусь совсем один.

Семь поколений Байамов жили и умирали в Уитикомбе; в окрестностях Куантокских холмов наше имя известно пятьсот лет, а то и больше. Я последний из рода. Странно думать, что после моей смерти оставшаяся частица нашей крови будет течь в жилах индианки, живущей в Южных морях.

Если верно, что полезная жизнь человека заканчивается в тот день, когда его мысли начинают всё чаще обращаться к прошлому, значит, последние пятнадцать лет, прошедшие с тех пор, как я оставил службу во флоте Его Величества, я прожил почти напрасно. Настоящее утратило для меня и вес, и реальность, а размышления о будущем, как я с некоторым сожалением обнаружил, не приносят ни радости, ни тревоги. Но сорок лет, проведённых в море, включая бурную эпоху войн с датчанами, голландцами и французами, так щедро наполнили мою память, что теперь мне не нужно большего удовольствия, чем возможность беспрепятственно странствовать по прошлому.

Мой кабинет расположен высоко в северном крыле Уитикомба. Из его высоких окон видны Бристольский залив и далёкий зелёный берег Уэльса, и именно отсюда я отправляюсь в эти путешествия во времени. Рядом с креслом стоит камфорный ларец, а в нём хранится дневник, который я веду с 1787 года, когда впервые вышел в море мичманом. Мне достаточно вынуть из ларца несколько исписанных листов — и я вновь чувствую едкий запах порохового

дыма, обжигающую лицо ледяную крупу шторма в Северном море или тихую красоту тропической ночи под созвездиями Южного полушария.

По вечерам, когда все незначительные обязанности стариковского дня остаются позади и я в одиночестве и молчании заканчиваю ужин, меня охватывает приятное предвкушение, знакомое приезжему, который в первый вечер в Лондоне с удовольствием решает, в какой театр отправиться. Не пережить ли мне заново старые сражения? Кампердаун, Копенгаген, Трафальгар — эти названия грохочут в памяти, словно залпы тяжёлых орудий. И всё же в последнее время я всё чаще перелистываю дневник ещё дальше назад, пока не дохожу до потрёпанных, испачканных страниц записей юного мичмана — до истории, которую значительную часть своей жизни пытался забыть.

В летописи флота этот эпизод не слишком значителен, а с точки зрения историка — и того меньше. И всё же для меня он стал самым странным, самым ярким и самым трагическим событием всей моей службы.

Я давно собирался последовать примеру других офицеров в отставке и употребить слишком обильный досуг старости на то, чтобы, опираясь на дневник, подробно рассказать хотя бы об одном эпизоде моей морской жизни. Вчера вечером решение наконец было принято. Я напишу о своём первом корабле — «Баунти», о мятеже на его борту, о долгих месяцах, проведённых мной на острове Таити в Южных морях, и о том, как меня в кандалах доставили домой, предали военно-полевому суду и приговорили к смерти.

На сцене той давней драмы столкнулись две натуры — два человека, столь же сильные и загадочные, как никто из встреченных мною за всю жизнь: Флетчер Кристиан и Уильям Блай. Когда ранней весной 1787 года мой отец умер от плеврита, мать почти ничем не выдала своего горя, хотя их совместная жизнь — в эпоху, когда семейные добродетели были не в большой моде, — отличалась редким счастьем. Она разделяла интерес к естественным наукам, благодаря которому отец удостоился чести стать членом Королевского общества, но в душе оставалась сельской женщиной и гораздо больше любила жизнь в Уитикомбе, чем искусственные развлечения столицы.

Осенью мне предстояло отправиться в Оксфорд, в колледж Магдалины, где прежде учился отец. И в то первое лето материнского вдовства я впервые по-настоящему узнал её не только как мать, но и как удивительно приятного спутника, обществом которого невозможно было пресытиться. Женщин её поколения учили беречь слёзы для чужих страданий, а собственные невзгоды встречать улыбкой. Доброе сердце и пытливый ум делали её разговор то занимательным, то философским — смотря по обстоятельствам; и, в отличие от нынешних молодых дам, её научили ещё одной полезной вещи: когда нечего сказать, молчание тоже может быть приятным.

В то утро, когда пришло письмо сэра Джозефа Бэнкса, мы гуляли по саду, почти не разговаривая. Стоял конец июля. Небо было голубым, тёплый воздух благоухал розами — одно из тех редких английских утр, благодаря которым мы готовы мириться с нашим климатом, который иностранцы, возможно не без оснований, называют худшим в мире. Я думал о том, как необыкновенно хороша мать в чёрном платье — с густыми светлыми волосами, свежим цветом лица и тёмно-синими глазами.

По дорожке легко спешила Тэкер, её новая горничная, черноглазая девушка из Девона. Она присела перед матерью в реверансе и протянула серебряный поднос с письмом. Мать взяла его, словно извиняясь, взглянула на меня и, присев на садовую скамью, стала читать.

— От сэра Джозефа, — сказала она наконец, дочитав письмо и положив его рядом. — Ты ведь слышал о лейтенанте Блае, который плавал с капитаном Куком в его последнюю экспедицию? Сэр Джозеф пишет, что сейчас он в отпуске и гостит у друзей неподалёку от Тонтонна. Он с удовольствием провёл бы у нас вечер. Твой отец был о нём очень высокого мнения.

Мне было семнадцать — долговязому, нескладному юнцу, слишком быстро выросшему и довольно ленивому и телом, и умом. Но эти слова словно ударили меня электрическим током.

— Он плавал с капитаном Куком! Непременно пригласи его! Мать улыбнулась.

— Я так и думала, что ты обрадуешься.

Экипаж отправили заблаговременно, передав мистеру Блау записку с приглашением отужинать с нами этим вечером, если обстоятельства позволят. Помню, как после этого я вместе с сыном одного из наших арендаторов отправился кататься на своей лодке по Бриджуотерскому заливу во время прилива — и как мало удовольствия получил от прогулки. Все мои мысли были заняты предстоящим гостем, а часы до обеда тянулись бесконечно.

Пожалуй, я любил читать больше большинства моих сверстников. Самой дорогой для меня была книга, которую отец подарил на десятилетие, — рассказ доктора Хоксворта о путешествиях в Южные моря. Три тяжёлых тома в кожаных переплётах я знал почти наизусть; с таким же увлечением прочёл и французское описание путешествия месье де Бугенвиля.

Сегодня трудно представить, какой интерес вызывали тогда первые рассказы об открытиях в Южных морях, о нравах и обычаях жителей Отаити и Овайхи — так в те времена называли эти острова. Учение Жан-Жака Руссо, которому впоследствии суждено было привести к столь печальным и далеко идущим последствиям, находило последователей даже среди весьма влиятельных людей. Вошло в моду убеждение, будто истинные добродетель и счастье можно найти лишь среди людей, живущих в естественном состоянии, свободных от всяческих ограничений.

А когда Уоллис, Байрон, Бугенвиль и Кук вернулись из своих путешествий с пленительными рассказами о Новой Кифере, счастливые жители которой, избавленные от проклятия Адама, проводят дни в песнях и танцах, идеи Руссо получили новый толчок. Даже мой отец, настолько погружённый в астрономические исследования, что почти утратил связь с окружающим миром, жадно слушал рассказы своего друга сэра Джозефа Бэнкса и часто обсуждал с матерью, интересовавшейся ими не меньше его, достоинства того, что он называл «естественной жизнью».

Меня же философия занимала куда меньше приключений. Подобно другим мальчишкам, я мечтал плавать по неведомым морям, открывать острова, которых ещё нет на картах, и торговать с добродушными островитянами, принимавшими белых людей за богов. От одной мысли, что вскоре я буду разговаривать с офицером, сопровождавшим капитана Кука в его последнем путешествии, — с настоящим моряком, а не учёным вроде сэра Джозефа, — я весь день ходил как во сне.

И когда наконец подъехал экипаж и из него вышел мистер Блай, я не был разочарован. Блай находился тогда в расцвете сил. Он был среднего роста, крепко сложен и уже слегка склонен к полноте, хотя держался прекрасно. Обветренное лицо было широким, рот — твёрдым, тёмные глаза — необыкновенно выразительными. Густые напудренные волосы высоко поднимались над благородным лбом. Чёрную треуголку он носил поперёк головы; камзол ярко-синего сукна с белой отделкой украшали золотые пуговицы с якорями и длинные, по тогдашней моде, фалды. Жилет, бриджи и чулки были белыми. Старинный морской мундир прекрасно подчёркивал достоинства хорошо сложенного мужчины.

Голос Блая — сильный, звучный и немного резкий — создавал впечатление необыкновенной жизненной энергии. В его осанке чувствовались решительность и мужество, а взгляд выдавал уверенность в себе, какой обладают очень немногие. Признаки сильного и властного характера смягчались высоким лбом человека недюжинного ума и приятной, лишённой всякой претенциозности манерой держаться на берегу. Когда экипаж остановился перед нашим домом и лакей спрыгнул с козел, я уже ждал гостя у входа. Я представился, и Блай протянул мне руку с улыбкой.

— Значит, вы сын своего отца. Какая потеря! Его имя было известно каждому, кто всерьёз занимается навигацией.

Вскоре спустилась мать, и мы отправились обедать. Блай с большим уважением говорил о трудах моего отца по определению долготы, а через некоторое время разговор естественно перешёл к островам Южных морей.

— Правда ли, — спросила мать, — что жители Таити так счастливы, как полагал капитан Кук?

— Ах, мадам, счастье — слишком большое слово! — ответил наш гость. — Правда, им почти не приходится тяжело трудиться, да и те немногие лёгкие работы, которыми они занимаются, по большей части выполняются по собственной воле. Но, избавленные от страха перед нуждой и от всякой благотворной дисциплины, они ни к чему не относятся всерьёз.

— Мы с Роджером, — заметила мать, — изучали идеи Жан-Жака Руссо. Как вам, вероятно, известно, он полагает, что истинное счастье доступно человеку лишь в естественном состоянии. Блай кивнул.

— Мне рассказывали о его идеях, хотя, к сожалению, я слишком рано оставил школу и французского не выучил. Но если простому моряку позволено высказаться о предмете, более подходящем философу, я убеждён, что истинное счастье возможно лишь среди дисциплинированного и просвещённого народа. Что же до жителей Таити, то, хотя страх нужды им действительно незнаком, их жизнь подчинена тысяче нелепых ограничений, с которыми ни один цивилизованный человек мириться не стал бы. Все эти запреты образуют своего рода неписаный закон, который они называют табу...

— ...и вместо разумной дисциплины устанавливают причудливые и несправедливые правила, вмешивающиеся едва ли не в каждый поступок человека. Думаю, несколько дней, проведённых среди людей в «естественном состоянии», могли бы заметно изменить взгляды месье Руссо.

Он умолк и повернулся ко мне.

— Значит, вы знаете французский? — спросил он, словно приглашая меня вступить в разговор.

— Да, сэр.

— Отдам ему должное, мистер Блай, — вмешалась мать. — У Роджера настоящий дар к языкам. Во Франции или Италии его вполне могли бы принять за местного, а теперь он ещё занимается немецким. В прошлом году он получил приз по латыни.

— Вот бы мне такой дар! — рассмеялся Блай. — Господи, я бы скорее вышел навстречу урагану, чем теперь стал переводить страницу Цезаря! А задача, которую поставил передо мной сэр Джозеф, пожалуй, ещё труднее. Думаю, нет беды, если я скажу вам, что вскоре снова отправляюсь в Южные моря.

Увидев наш интерес, он продолжил: — Четыре года назад, после заключения мира, меня вывели из состава флота, и с тех пор я служил в торговом море. Вест-индский купец мистер Кэмпбелл доверил мне командование своим судном «Британия». Во время плаваний среди пассажиров нередко бывали влиятельные плантаторы, и мне много раз приходилось рассказывать им всё, что я знаю о хлебном дереве, которое прекрасно растёт на Таити и Овайхи. Некоторые вест-индские купцы и плантаторы решили, что его плоды могли бы стать дешёвой и полезной пищей для их рабов, и подали прошение Короне с просьбой снарядить судно для перевозки хлебных деревьев с Таити на острова Вест-Индии. Сэр Джозеф Бэнкс одобрил эту мысль и поддержал её. В значительной мере благодаря его участию Адмиралтейство теперь готовит к плаванию небольшое судно, а по его рекомендации меня вернули на службу и поручили командование. Выйти мы должны до конца года.

— Будь я мужчиной, — сказала мать, и глаза её вспыхнули от интереса, — я бы упросила вас взять меня с собой. Вам наверняка понадобятся садовники, а я могла бы ухаживать за молодыми растениями. Блай улыбнулся.

— Лучшего помощника я и не пожелал бы, мадам. Правда, ботаник у меня уже есть — Дэвид Нельсон, который плавал в том же качестве с капитаном Куком в его последней экспедиции. Мой корабль, «Баунти», превратят в настоящий плавающий сад и снабдят всем необходимым для ухода за растениями, поэтому в успехе самой перевозки я почти не сомневаюсь. Гораздо труднее другая задача, которую поставил передо мной наш общий друг сэр Джозеф. Он настойчиво просил использовать месяцы на Таити для того, чтобы лучше изучить островитян, их обычаи и собрать более полный словарь и грамматику их языка, чем удавалось прежде. Особенно полезным для моряков в Южных морях, по его мнению, был бы словарь. Но в составлении словарей я разбираюсь не больше, чем в греческом, а человека, пригодного для такой работы, на борту у меня нет.

— Как вы намерены идти, сэр? — спросил я. — Через мыс Горн?

— Попытаюсь, хотя к тому времени сезон восточных ветров будет уже на исходе. Возвращаться с Таити будем через Ост-Индию и мыс Доброй Надежды.

Мать взглянула на меня, после чего мы поднялись из-за стола, и она оставила нас. Блай колол грецкие орехи, понемногу пил мадеру моего отца и в той приятной манере, которой умел пользоваться на берегу, расспрашивал меня о языках. Наконец он, кажется, остался доволен ответами, допил вино и покачал головой слуге, собиравшемуся наполнить бокал снова. В эпоху, когда едва ли не большинство офицеров флота Его Величества злоупотребляли вином, Блай отличался умеренностью.

Наконец он заговорил: — Молодой человек, как вам понравилась бы мысль отправиться со мной? С того самого мгновения, когда он впервые упомянул экспедицию, я не мог думать ни о чём более желанном, но прямой вопрос застал меня врасплох.

— Вы серьёзно, сэр? — пробормотал я. — Такое возможно?

— Это должны решить вы и миссис Байам. Я с удовольствием найду для вас место среди моих молодых джентльменов.

Тёплый летний вечер был не менее прекрасен, чем прошедший день. Когда мы присоединились к матери в саду, она и Блай продолжили разговор о предстоящем путешествии. Я понимал, что он ждёт, пока я сам расскажу о его предложении, и наконец, воспользовавшись паузой, собрался с духом.

— Мама, лейтенант Блай был так добр, что предложил мне отправиться вместе с ним.

Если она и удивилась, то ничем этого не показала, а лишь спокойно повернулась к гостю.

— Вы сделали Роджеру большую честь. Но может ли неопытный мальчик быть вам действительно полезен?

— Из него выйдет моряк, мадам, не сомневайтесь! Как говорят старые моряки, мне нравится, как он скроен. А его способности к языкам мне очень пригодятся.

— Как долго вас не будет?

— Возможно, два года.

— Он собирался осенью в Оксфорд, но, полагаю, университет может подождать. — Она повернулась ко мне с лёгкой насмешкой. — Ну, сэр, что скажете?

— Если вы позволите, я ничего не желаю сильнее.

В сумерках мать улыбнулась мне и слегка похлопала по руке.

— Тогда я согласна. Последней стала бы удерживать тебя. Путешествие в Южные моря! Будь я мальчишкой и согласись мистер Блай взять меня, я бы сама сбежала из дому на его корабль!

Блай коротко и резко рассмеялся и с восхищением посмотрел на мать.

— Из вас вышел бы превосходный моряк, мадам. Готов спорить — вы ничего не боитесь.

Было решено, что я присоединюсь к «Баунти» в Спитхед, однако погрузка запасов, провианта и окончательное оснащение судна затянулись настолько, что осень уже подходила к концу, когда корабль наконец оказался готов к отплытию. В октябре я простился с матерью и отправился в Лондон: заказать форму, навестить старого мистера Эрскина, нашего поверенного, и засвидетельствовать почтение сэру Джозефу Бэнксу.

Из тех дней особенно ясно запомнился мне один вечер в доме сэра Джозефа. В моих глазах он был почти романтическим героем: красивый, румяный мужчина сорока пяти лет, президент Королевского общества, спутник бессмертного капитана Кука, друг индейских принцесс, исследователь Лабрадора, Исландии и Великого Южного моря. После обеда он провёл меня в кабинет, стены которого были увешаны необычным оружием и украшениями из далёких стран, и взял со стола несколько рукописных листов.

— Мой словарь таитянского языка, — сказал он. — Я велел сделать для вас копию. Он короток и несовершенен, вы сами это увидите, но всё же может оказаться полезным. Обратите внимание: систему записи, которой пользовались капитан Кук и я, следует изменить. Я много думал об этом и согласен с Блаем, что проще и правильнее будет записывать слова так, как сделал бы это итальянец, особенно гласные. Вы знаете итальянский?

— Да, сэр.

— Прекрасно. Вы проведёте на Таити несколько месяцев, пока будут собирать молодые хлебные деревья. Блай позаботится о том, чтобы у вас оставалось достаточно времени для словаря, который я надеюсь опубликовать после вашего возвращения. Диалекты таитянского языка распространены на огромных пространствах Южных морей, и через несколько лет словарь наиболее употребительных слов с небольшими сведениями о грамматике наверняка будет пользоваться спросом у моряков. Сейчас Южные моря кажутся нам едва ли не столь же далёкими, как Луна, но поверьте: богатые китобойные промыслы и новые земли для плантаций и поселений вскоре привлекут туда внимание, особенно теперь, когда мы потеряли американские колонии.

После небольшой паузы он продолжил: — На Таити множество соблазнов. Смотрите, чтобы они не заставили вас попусту терять время. И особенно осторожно выбирайте себе друзей среди островитян. Когда корабль становится на якорь в бухте Матаваи, они толпами выходят к нему, и каждый старается выбрать среди команды друга, или *тайо*. Не спешите. Сначала разберитесь немного в местных отношениях и постарайтесь выбрать своим *тайо* человека влиятельного и уважаемого. Такой человек может оказать вам неоценимую помощь. За несколько топоров, ножей, рыболовных крючков и безделушек для его женщин он будет постоянно снабжать вас свежими припасами, принимать в своём доме, когда вы окажетесь на берегу, и делать всё возможное, чтобы быть полезным. Если же по ошибке вы выберете человека низкого положения, он может оказаться глуп, нелюбознателен и плохо знать собственный язык. По-моему, это не просто другой класс, а иной народ, некогда покорённый теми, кто теперь владеет островом. Знатные люди Таити выше ростом, светлее кожей и значительно умнее *манахуне*, то есть простолюдинов.

— Значит, на Таити равенства не больше, чем у нас? Сэр Джозеф улыбнулся.

— Я бы сказал, даже меньше. Простота нравов и одинаковые занятия всех сословий создают лишь видимость равенства. Можно увидеть короля во главе рыбацкой партии, королеву — самой гребущей в каноэ или вместе со служанками выколачивающей ткань из коры. Но настоящего равенства нет. Никакая заслуга не способна поднять человека выше положения, в котором он родился. И только вожди, считающиеся потомками богов, по местным представлениям обладают душой.

Он замолчал, постукивая пальцами по подлокотнику кресла.

— Всё необходимое у вас уже есть? Одежда, бумага, деньги? Мичманский стол не отличается изобилием, но, когда придёте на корабль, один из помощников штурмана попросит

каждого из вас внести три-четыре фунта на небольшие удобства для кают-компаний. Секстант у вас есть?

— Да, сэр. Один из отцовских. Я уже показывал его мистеру Блаю.

— Рад, что именно Блай командует судном. Лучшего моряка сейчас не сыскать. Говорят, в море он настоящий тиран, но уж лучше жёсткая рука, чем слабая. Он обучит вас службе; исполняйте всё быстро и помните: главное — дисциплина!

Я покинул сэра Джозефа, а последние его слова всё ещё звучали у меня в ушах: «Главное — дисциплина!» До нашей следующей встречи мне предстояло не раз задуматься над ними — глубоко и временами горько.

Глава II

Морской закон

К концу ноября я прибыл на «Баунти» в Спитхед. Теперь мне смешно вспоминать сундук, который я привёз из Лондона в дилижансе, набитый одеждой и мундирами, обошедшимися мне более чем в сто фунтов: синие фраки на белой шёлковой подкладке, с белыми клапанами на воротнике, которые тогда называли «недельным отчётом»; белые нанковые бриджи и жилеты; две пары щегольских треуголок мичмана с золотыми петлями и кокардами. Несколько дней я ещё красовался в этом великолепии, но после выхода «Баунти» в море всё оно было убрано в сундук и больше почти не появлялось.

Среди высоких линейных кораблей первого ранга и семидесятичетырёхпушечных судов, стоявших неподалёку на якоре, наш «Баунти» казался не больше баркаса. Его построили три года назад в Халле для торговой службы, а затем приобрели за две тысячи фунтов. Длина по палубе составляла девяносто футов, ширина — двадцать четыре, а водоизмещение едва превышало двести тонн. Прежнее имя судна — «Бетия» — закрасили, и по предложению сэра Джозефа Бэнкса оно было переименовано в «Баунти».

Несколько месяцев корабль простоял в Дептфорде, где Адмиралтейство потратило свыше четырёх тысяч фунтов на его переделку и оснащение. Большую кормовую каюту превратили в сад: повсюду стояли закреплённые на стеллажах горшки, а под ними были устроены желоба, чтобы воду можно было использовать снова и снова. В результате лейтенанту Блаю и штурману мистеру Фрайеру пришлось тесниться в двух крошечных каютах по обеим сторонам трапа и столоваться вместе с хирургом в отгороженной части нижней палубы, позади главного люка.

Корабль и без того был невелик; к тому же на нём разместили множество запасов и товаров для обмена с островитянами. Всем приходилось жить в такой тесноте, что недовольный ропот я услышал ещё до отплытия. Теперь я убеждён, что сама эта теснота и раздражительность, которую она порождала, сыграли далеко не последнюю роль в трагическом исходе плавания, словно обречённого с самого начала.

Корпус «Баунти» был обшит медью — по тем временам новшество. Из-за тяжёлых обводов, коротких мачт и мощного такелажа он больше походил на китобойное судно, чем на вооружённый транспорт Королевского флота. В носовой части стояли две вертлюжные пушки на станках, а на верхней палубе ближе к корме — ещё шесть вертлюжных орудий и четыре малых пушки.

В то утро, когда я явился представиться лейтенанту Блаю, всё вокруг казалось мне новым и необычным. Корабль был переполнен женщинами — матросскими «жёнами»; ром, казалось, лился рекой; а рядом в лодках кружили остролицые ростовщики и торговцы, готовые одолжить деньги под будущую получку или всучить в кредит бесполезные безделушки. Крики лодочников, визгливая брань женщин, ругань и выкрики матросов сливались в такой адский гвалт, что сухопутному человеку он мог оглушить голову. Пробравшись к корме, я нашёл мистера Блая на квартердеке. Передо мной стоял высокий смуглый мужчина.

— Я был в Портсмутской обсерватории, сэр, — докладывал он капитану. — Хронометр опережает среднее время на одну минуту пятьдесят две секунды и теряет по секунде в сутки. Мистер Бейли отметил это в письме к вам.

— Благодарю, мистер Кристиан, — коротко ответил Блай.

В этот момент он повернул голову и заметил меня. Я снял шляпу и шагнул вперёд, чтобы представиться.

— А, мистер Байам. Это мистер Кристиан, помощник штурмана. Он покажет вам ваше место и объяснит некоторые обязанности. И кстати: сегодня вы будете обедать со мной на «Тигресс». Капитан Кортни знал вашего отца и, услышав, что вы здесь, просил непременно привести вас.

Блай взглянул на большие серебряные часы.

— Будьте готовы через час.

Я поклонился в ответ на его короткий кивок и последовал за Кристианом к трапу. Наше помещение представляло собой отгороженный угол нижней палубы по левому борту, напротив главного люка. Размером оно было едва ли больше восьми футов на десять, и всё же именно эту конуру предстояло делить четверым. Вдоль переборок стояли три или четыре сундука; через маленький иллюминатор из толстого мутного стекла проникал тусклый свет. На гвозде, вбитом в борт, висел квадрант, а в воздухе уже стоял тяжёлый запах трюмной воды, хотя корабль совсем недавно пришёл из Дептфорда.

У одного из сундуков возился красивый, угрюмого вида юноша лет шестнадцати, одетый в такой же мундир, как мой. Он выпрямился и смерил меня презрительным взглядом. Как я узнал после короткого представления Кристиана, его звали Хейворд. Протянутую мною руку он принял с таким видом, словно оказывал мне величайшую милость. Когда мы снова поднялись на верхнюю палубу, задумчивость Кристиана исчезла, и он улыбнулся.

— Мистер Хейворд уже два года в море, — заметил он. — Поэтому сразу признал в вас зелёного новичка. Но «Баунти» слишком мал для таких важных манер; на линейном корабле первого ранга они смотрелись бы уместнее.

Он говорил хорошо поставленным голосом, с едва заметным мэнским акцентом, и из-за шума в носовой части корабля мне приходилось напрягать слух. Утро было ясное, спокойное, зимнее, и при ярком свете я внимательно разглядел своего спутника. На такого человека невольно хотелось посмотреть второй раз. Флетчеру Кристиану тогда шёл двадцать четвёртый год. В простом синем морском сюртуке с золотыми пуговицами он выглядел великолепно: высокий, сильный, пропорционально сложенный, с густыми тёмно-каштановыми волосами и от природы смуглой кожей, которую солнце обожгло до оттенка, редко встречающегося у белого человека.

Рот и подбородок говорили о большой твёрдости характера. Чёрные, глубоко посаженные, блестящие глаза обладали почти гипнотической силой; их отрешённый, устремлённый куда-то вдаль взгляд трудно было забыть. Он скорее походил на испанца, чем на англичанина, хотя его семья жила на острове Мэн ещё с XV века.

Кристиан принадлежал к тому типу мужчин, которых женщины называют романтическими. Приступы весёлости сменялись у него периодами мрачной подавленности. Он обладал вспыльчивым нравом и сдерживал себя такой ценой, что порой от напряжения на лбу выступал пот. Хотя по званию он был всего лишь помощником штурмана — на ступень выше мичмана, — происхождение у него было хорошее, лучше, чем у Блая, а манеры и речь безошибочно выдавали джентльмена.

— Лейтенант Блай поручил мне объяснить вам часть ваших обязанностей, — сказал он своим задумчивым, слегка рассеянным тоном. — Навигации, морской астрономии и тригонометрии он будет учить вас сам, поскольку школьного наставника, как на больших военных кораблях, у нас нет. И уверяю вас: ужина вы не получите, пока каждый день не вычислите положение судна.

Вас определяют в одну из вахт. Вам придётся следить за порядком, когда люди работают у брасов или наверху. По утрам будете проверять, чтобы гамаки были убраны, и докладывать о тех, что плохо связаны. Никогда не облакачивайтесь на пушку или борт и не ходите по палубе, засунув руки в карманы. Вместе с матросами будете подниматься наверх и учиться ставить

паруса, брать рифы и убирать их. На якоре вам могут поручить одну из шлюпок. Он чуть улыбнулся.

— И наконец, вы будете рабом двух тиранов — штурмана и его помощников.

Мы стояли у решётчатого люка позади грот-мачты, когда из трапа, тяжело дыша, показался коренастый пожилой человек в мундире, похожем на мундир Блая. Загорелое лицо его одновременно выражало добродушие и решительность; даже не зная его, я сразу признал бы в нём моряка.

— А, мистер Кристиан, вот вы где! — воскликнул он, выбравшись на палубу. — Что за сумасшедший дом! Я бы с удовольствием потопил всех этих ростовщиков, а баб попросту выбросил за борт! А это кто? Новый мичман, мистер Байам, готов поспорить! Добро пожаловать на борт. Имя вашего отца высоко ценится в нашей науке, не так ли, мистер Кристиан?

— Мистер Фрайер, штурман, — тихо сказал мне Кристиан.

— Настоящий бедлам, — продолжал Фрайер. — Слава богу, завтра вечером расплатимся и покончим с этим. Женщины повсюду — и наверху, и внизу. Он повернулся к Кристиану:

— Идите вперёд и соберите людей для шлюпки лейтенанта Блая. Там ещё осталось несколько трезвых. Фрайер снова обернулся ко мне.

— В море на военном корабле дисциплина есть. Но стоит торговому судну зайти в порт — всё пропало. Внизу сейчас, пожалуй, только капитанский писарь и остался трезвым. А хирург... А, вот и он!

Я проследил за его взглядом и увидел появившуюся в трапе голову с густой шапкой белоснежных волос. Наш судовой лекарь был одноногим; длинное лошадиное лицо его было таким же красным, как гребень индюка, и даже затылок, изборождённый глубокими складками, словно панцирь черепахи, горел тем же багровым цветом. Ярко-голубые глаза весело блестели. Одной рукой он держался за трап, а другой размахивал наполовину опустошённой бутылкой бренди.

— Эй, мистер Фрайер! — весело окликнул он нас. — Вы не видели Нельсона, ботаника? Я прописал ему немного бренди от ревматической ноги. Самое время принять лекарство.

— Он ушёл на берег.

Хирург с притворным сожалением покачал головой.

— Готов держать пари, отдаст хорошие шиллинги какому-нибудь портсмутскому шарлатану! А здесь мог бы совершенно бесплатно пользоваться советами самой просвещённой медицины. К чёрту кору и микстуры! Он торжественно поднял бутылку.

— Вот лекарство от девяти десятых человеческих недугов! Да, сэр! Капли бренди — и всё как рукой снимет!

И вдруг низким, хрипловатым, но неожиданно приятным и чистым голосом запел старую песенку. Закончив, он ещё раз взмахнул бутылкой и, подпрыгивая на деревянной ноге, скрылся внизу. Фрайер несколько секунд смотрел ему вслед, затем тоже ушёл под палубу. Я остался один посреди царившего вокруг шума и с любопытством стал осматриваться.

На следующий день команда должна была получить жалованье вперёд за два месяца, а ещё через день нам предстояло отправиться на другой конец света, навстречу лишениям и опасностям морей, значительная часть которых всё ещё оставалась почти неизведанной. «Баунти» мог отсутствовать два года, а то и дольше; поэтому накануне отплытия людям разрешили день-другой предаваться тем развлечениям, которые особенно любят моряки.

Пока я ждал Блая, я стал разглядывать такелаж «Баунти». Я родился и вырос на западном побережье Англии, любил море с детства и жил среди людей, которые рассуждали о кораблях и их достоинствах так же охотно, как в других местах говорят о лошадях. Для настоящего сухопутного человека снасти «Баунти» показались бы непроходимым лабиринтом канатов. Но даже при моём небольшом опыте я уже умел назвать паруса, основные части стоячего такелажа

и большую часть сложной системы фалов, топенантов, брасов, шкотов и прочих снастей, которыми управляли парусами и реями.

На фок- и грот-мачтах корабль нёс нижние паруса, марсели, брамсели и бом-брамсели; на бизани — три последних. Американское новшество, крюсель на нижней рее бизань-мачты, тогда ещё не вошло в употребление. Нижняя бизань-рея оставалась, как говорят французы, *vergue sèche* — «сухой реей», без паруса; а гафельная бизань, свободная по нижней шкаторине, уже вытесняла старинный латинский парус, который английские корабли несли на кормовой мачте столетиями.

Разглядывая паруса и снасти «Баунти», я мысленно представлял, как будет звучать та или иная команда и что я сделаю, если мне прикажут убрать бом-брамсель или помочь выбрать брас. И вдруг почувствовал то очарование, которым даже самый маленький корабль обладает для меня по сей день. Корабль — благороднейшее из творений человеческих рук: хитроумное соединение дерева, железа и пеньки, движимое крыльями парусов и порой словно действительно обладающее дыханием и собственной жизнью. Я как раз задрал голову, глядя на рангоут, когда рядом резко прозвучал голос Блая:

— Мистер Байам!

Я вздрогнул и увидел возле себя лейтенанта Блая в полном мундире. Он слегка усмехнулся.

— Маленький, а? Но крепкий кораблик. Очень крепкий.

Он сделал знак следовать за ним за борт. Матросы в нашей шлюпке были, пожалуй, не вполне трезвы, однако гребли исправно и налегали на вёсла с усердием. Вскоре мы подошли к высокому семидесятичетырёхпушечному кораблю капитана Кортни — «Тигресс». На «Тигресс» Блая оказали положенные почести. У трапа замерли юнги в безупречно белой форме, а боцман в полном мундире медленно и торжественно высвистел приветствие на серебряной дудке в тот миг, когда нога Блая коснулась палубы. Морские пехотинцы стояли навытяжку; вокруг царил тишина, и слышался только протяжный свист.

Мы прошли к корме, отдав честь квартердеку, где нас ожидал капитан Кортни. Кортни и Блай были старыми знакомыми: шесть лет назад они вместе служили на «Белль Пуль» и участвовали в тяжёлом и кровавом сражении при Доггер-банке. Капитан Кортни происходил из знатной семьи — высокий, худощавый офицер с моноклем и тонкими губами, постоянно тронутыми иронической улыбкой. Он приветствовал нас весьма любезно, сказал несколько слов о моём отце, которого знал скорее по репутации, чем лично, и повёл в кормовую каюту. У переборки там стоял часовой в красном мундире с обнажённой саблей.

Я впервые оказался в каюте капитана настоящего военного корабля и с интересом огляделся. Полom служила верхняя оружейная палуба, потолком — палуба юта, поэтому помещение казалось необыкновенно высоким для корабля. Окна были застеклены, а кормовая дверь выходила на галерею с резными украшениями и позолоченными перилами, где капитан мог гулять в полном одиночестве.

Сама каюта, однако, была обставлена почти по-спартански: длинная скамья под окнами, тяжёлый неподвижный стол и несколько стульев. Над головой качалась лампа на карданном подвесе; у переборки помещались подзорная труба, короткая книжная полка и стойка с мушкетами и абордажными саблями вокруг бизань-мачты. Стол был накрыт на троих.

— Выпьем по бокалу хереса, мистер Блай, — сказал капитан, когда слуга подал напитки на подносе.

Он учтиво улыбнулся мне и поднял бокал.

— За память вашего отца, молодой человек. Мы, моряки, многим ему обязаны.

Пока мы пили, сверху донеслись громкий шум, топот множества ног и далёкая дробь барабана. Капитан Кортни посмотрел на часы, допил херес и поднялся.

— Прошу простить. Сейчас одного человека прогоняют с наказанием вдоль флота, и, кажется, лодки уже подходят. Мне необходимо зачитать приговор у трапа — ужасно скучная обязанность. Располагайтесь как дома. Если пожелаете посмотреть, советую подняться на ют.

В следующую минуту он уже прошёл мимо неподвижного часового и исчез. Блай несколько мгновений прислушивался к барабану, затем поставил бокал и жестом позвал меня за собой. С квартердека короткая лестница вела на ют — высокую точку, откуда было видно всё происходящее. Воздух был свеж, но ветер едва шевелился, а на чистом голубом небе ярко светило солнце.

По кораблю уже передавали приказ всей команде собраться в корме для присутствия при наказании. Боцман высвистывал команду, его помощники выкрикивали её вслух. Морские пехотинцы с мушкетами и тесачными штыками спешили занять места перед нами на юте. Капитан Кортни и его лейтенанты стояли на наветренной стороне квартердека; младшие офицеры собрались с подветренной. Врач и казначей находились чуть дальше, под выступом юта, позади боцмана и его помощников. Команда выстроилась вдоль подветренного борта; некоторые, чтобы лучше видеть, забрались в шлюпки и на рангоутные балки.

Рядом стоял на якоре огромный девяностовосьмипушечный корабль и ещё один линейный корабль, такого же класса, как «Тигресс». Их порты и борта тоже были заполнены молча наблюдавшими людьми. Колокол начал отбивать полуминуты, а барабанный бой становился всё громче — мрачная дробь «марша негодяя». И тогда из-за носа «Тигресс» появилась процессия, которую я не забуду до конца своих дней.

Впереди медленно шёл большой баркас одного из соседних кораблей. Гребцы работали в такт нервной дробь барабана. Рядом с барабанщиком стояли судовой хирург и оружейный старшина; чуть позади них скорчилась человеческая фигура, положение которой поначалу я даже не мог разобрать. Следом за баркасом тянулась лодка от каждого корабля флота, и в каждой сидели морские пехотинцы, сопровождавшие наказание.

Послышалась команда прекратить греблю. Вёсла замерли, баркас по инерции подошёл к трапу. Я перегнулся через леер. У меня перехватило дыхание, и, сам не сознавая, что произношу это вслух, я прошептал:

— Господи...

Мистер Блай бросил на меня косой взгляд и едва заметно, мрачно усмехнулся. Скорчившийся на носу баркаса человек был крепким мужчиной лет тридцати или тридцати пяти. Его раздели до широких матросских брюк; загорелые руки были покрыты татуировками. Запястья, обмотанные чулками, крепко привязали к рычагу шпилья. Густые светлые волосы растрепались, а голову он уронил на грудь, поэтому лица я не видел.

Его брюки, скамья, на которой он лежал, и доски по обеим сторонам были заляпаны почти чёрной кровью. Но кровь я уже видел раньше. Меня потрясла его спина.

От шеи до поясницы девятихвостая плеть обнажила кости; мясо висело почерневшими, изорванными клочьями. Капитан Кортни спокойно подошёл к борту и взглянул вниз на это страшное зрелище. Хирург в баркасе наклонился над изувеченным, привязанным телом, затем выпрямился и посмотрел на капитана.

— Человек мёртв, сэр, — торжественно произнёс он.

По толпе матросов, сгрудившихся впереди, прокатился едва слышный ропот, похожий на шелест ветра в верхушках деревьев. Кортни сложил руки на груди и чуть повернул голову, приподняв брови. В богатом мундире с галунами, при шпаге, в треуголке и с напудренной косицей он выглядел безупречно. После напряжённой паузы капитан снова обратился к хирургу.

— Мёртв? — протянул он своим спокойным светским тоном. — Счастливчик. Оружейный старшина!

Уорент-офицер рядом с врачом вытянулся и снял шляпу.

— Сколько ещё положено?

— Две дюжины, сэр.

Кортни неторопливо вернулся на своё место с наветренной стороны и принял из рук первого лейтенанта экземпляр Военно-морских статей. Он изящно снял треуголку и прижал её к груди; вслед за ним вся команда обнажила головы перед королевским законом. Затем капитан своим ясным, немного растянутым голосом прочёл статью, устанавливавшую наказание за удар офицера флота Его Величества. Один из помощников боцмана тем временем развязывал красный суконный мешок. Он вынул оттуда плетёную с красной рукояткой и несколько раз неуверенно посмотрел в сторону капитана. Кортни дочитал статью, надел шляпу и встретился с ним взглядом. Снова впереди прошёл приглушённый ропот, и снова одного взгляда капитана оказалось достаточно, чтобы наступила полная тишина.

— Исполняйте свой долг, — спокойно сказал он. — Кажется, две дюжины.

— Две дюжины, сэр, — глухо ответил помощник боцмана и медленно направился к борту.

Среди матросов я видел стиснутые челюсти и блестящие глаза, но вокруг было так тихо, что слышался даже лёгкий скрип блоков наверху, когда брасы покачивались на слабом ветру. Я не мог отвести глаз от помощника боцмана, медленно спускавшегося по борту. Даже если бы он кричал, его нежелание исполнять приказ невозможно было бы выразить яснее. Когда он ступил в баркас, сидевшие на банках люди молча отодвинулись от него, сохраняя каменные лица. Подойдя к привязанному телу, он остановился и снова взглянул наверх. Кортни уже стоял у фальшборта, скрестив руки.

— Ну же! Исполняйте свой долг! — приказал он с видом человека, у которого остывает обед.

Помощник боцмана пропустил хвосты плети между пальцами левой руки, поднял правую и со свистом опустил плетёную на изуродованный труп. Меня затошнило, закружилась голова, и я отвернулся. Блай стоял у борта, положив руку на бедро, и смотрел вниз с таким выражением, словно наблюдал посредственно сыгранный спектакль. Размеренные удары продолжались. Каждый из них разрывал тишину, как пистолетный выстрел. Я машинально считал, и казалось, это длится целую вечность.

Двадцать два. Пауза. Двадцать три. Двадцать четыре. Затем прозвучала команда. Морские пехотинцы разошлись и стали спускаться с юта. Пробили восемь склянок. Корабль снова наполнился движением и шумом, а вскоре я услышал долгий, весёлый перелив боцманской дудки, созывавшей команду к обеду. За столом Кортни, казалось, уже совершенно забыл случившееся. Он выпил бокал хереса за здоровье Блая и попробовал суп.

— Холодный! — с печалью заметил он. — Тяготы морской службы, а, Блай?

Блай ел с аппетитом и при этом издавал звуки, куда более уместные в матросском кубрике, чем за капитанским столом: манеры его были довольно грубы.

— Чёрт возьми! На старой «Пуль» нам приходилось и хуже!

— Но не на Таити, держу пари. Слышал, вы снова собираетесь навестить прекрасных островитянок Южных морей.

— Именно так. И на этот раз надолго. Несколько месяцев уйдёт только на сбор хлебных деревьев.

— О вашем путешествии уже говорят в Лондоне. Дешёвая пища для вест-индских рабов, верно? Хотел бы я идти с вами.

— Клянусь Богом, и я хотел бы этого! Развлечений хватило бы.

— А женщины там и в самом деле так хороши, как рассказывал Кук?

— Ещё как, если вас не смущает смуглая кожа. Они удивительно чистокожны и достаточно тонко чувствуют, чтобы понравиться даже взыскательному мужчине. Спросите хотя бы сэра Джозефа: он уверяет, что равных им женщин нет на свете. Кортни мечтательно вздохнул.

— Ни слова больше! Я уже вижу вас — настоящий паша под пальмами, окружённый гаремом, которому позавидовал бы сам султан!

Меня по-прежнему мутило от увиденного. Я делал вид, что ем, и молчал, пока старшие разговаривали. Первым о наказании снова заговорил Блай.

— А что этот человек сделал?

Кортни поставил бокал кларета и рассеянно поднял глаза.

— Ах, тот, которого пороли? Он служил марсовым у капитана Эллисона на «Анконкер-эбл». Говорят, прекрасный матрос. Его объявили дезертиром, а потом Эллисон случайно увидел его выходящим из кабака в Портсмуте. Узнал в лицо — хороших марсовых на дороге не найдёшь. Эллисон схватил его за руку, а этот наглец взял да и поставил капитану синяк под глазом. Как раз проходил патруль морской пехоты. Его тут же арестовали — остальное вы видели. Кортни пожал плечами.

— Забавно. Мы были всего пятым кораблём; восьми дюжин ему хватило. Правда, у Эллисона есть помощник боцмана — настоящий художник, говорят. Левша: кладёт удары крест-накрест, да ещё силён как бык.

Блай слушал с явным интересом и одобрительно кивнул.

— Ударил своего капитана? Клянусь Богом, получил по заслугам — и ещё мало. Нет законов справедливее тех, что управляют людьми в море. Я не выдержал.

— Но разве нужна такая жестокость? Почему было просто не повесить несчастного и покончить с этим?

— Несчастного? — Кортни повернулся ко мне, высоко подняв брови. — Вам ещё многому предстоит научиться, молодой человек. Год-другой в море сделают его пожёстче, правда, Блай?

— Я об этом позабочусь, — сказал капитан «Баунти». — Нет, мистер Байам, не тратьте сочувствие на мерзавцев подобного рода.

— И запомните, — дружелюбно наставительно добавил Кортни, — как правильно сказал мистер Блай: нет законов справедливее тех, что регулируют жизнь людей в море. Они не просто справедливы — они необходимы. Дисциплина должна соблюдаться и на торговом судне, и на военном корабле. Иначе нельзя подавить мятеж и пиратство.

— Именно, — подхватил Блай. — Наш морской закон суров, но за ним стоят столетия. И со временем он даже стал гуманнее.

В его голосе прозвучало нечто похожее на сожаление.

— Протаскивание под килем теперь отменено — если не считать французов. Да и капитан больше не имеет права сам приговорить человека из команды к смерти и тут же привести приговор в исполнение.

Потрясённый увиденным, я почти не ел, зато выпил больше вина, чем обычно. В основном сидел молча, пока два офицера по-моряцки вспоминали старых знакомых, спорили, где кто теперь служит, говорили об адмирале Паркере и битве при Доггер-банке. Было уже далеко за полдень, когда мы с Блаем вернулись на «Баунти». Наступил отлив. В стороне я увидел лодку, застрявшую на обнажившейся мели, и несколько человек, копавших неглубокую яму в иле. Они хоронили того самого несчастного, которого протащили с наказанием вдоль всего флота. Хоронили ниже линии прилива. Без молитвы. В полном молчании.

Глава III

В море

На рассвете 28 ноября мы поставили паруса и спустились на «Баунти» к Сент-Хеленсу, где снова стали на якорь. Почти месяц нас удерживали там и в Спитхеде встречные ветры; лишь 23 декабря наконец подул попутный ветер, и мы вышли в Ла-Манш. Месяц кажется вечностью, когда больше сорока человек теснятся на маленьком судне, почти всё время стоящем на якоре. Но я знакомился с товарищами и с таким усердием осваивал новые обязанности, что дни пролетали слишком быстро.

На «Баунти» было шестеро мичманов. Поскольку школьного наставника, обычного для большого военного корабля, у нас не имелось, лейтенант Блай и штурман разделили между собой преподавание тригонометрии, морской астрономии и навигации. Мне, Стюарту и Янгу выпала удача учиться навигации у самого Блая. И, отдавая должное человеку, чей характер в других отношениях был далёк от совершенства, скажу: лучшего моряка и штурмана в то время трудно было найти.

Оба моих товарища по занятиям были уже взрослыми мужчинами. Джордж Стюарт происходил из хорошей семьи с Оркнейских островов; ему было двадцать три или двадцать четыре года, и до этого плавания он уже несколько раз ходил в море. Эдвард Янг был коренастым, обветренным моряком с красивым лицом, которое портила потеря почти всех передних зубов. Оба неплохо разбирались в навигации, и мне приходилось работать изо всех сил, чтобы не заслужить репутацию тупицы.

Морскому делу меня учили боцман мистер Коул и его помощник Джеймс Моррисон. Коул был моряком старой школы — загорелым, молчаливым, с косицей, великолепно знавшим своё ремесло и почти ничего другого. Моррисон представлял собой полную противоположность. Он происходил из хорошей семьи, прежде служил мичманом и нанялся на «Баунти» главным образом потому, что его привлекало само путешествие. Прекрасный моряк и навигатор, стройный, смуглый, умный мужчина лет тридцати, он сохранял хладнокровие перед лицом опасности, редко ругался и по своим качествам стоял значительно выше той должности, которую занимал на корабле.

Моррисон не гнал людей на работу ударами, как это часто делали помощники боцмана. Правда, он носил с собой «кольт» — короткий кусок узловатой верёвки, — но пускал его в ход лишь против явных лентяев или когда Блай кричал ему:

— Подгони этого человека!

Из-за продолжавшейся непогоды на корабле нарастали раздражение и недовольство. Но вечером 22 декабря небо наконец прояснилось, а ветер повернул к востоку. На следующее утро ещё было темно, когда я услышал боцманскую дудку и голос Моррисона:

— Все наверх! Живо! Поднимайся, кто жив! Вставай и сияй! Гамаки вязать и убирать!

Когда я вышел на палубу, звёзды ещё светили ярко, а на востоке едва занималась сероватая заря. Три недели подряд дул сильный юго-западный ветер, шли дожди и стояли туманы; теперь воздух обжигал морозцем, а с французского берега порывами налетал свежий восточный ветер. Лейтенант Блай находился на квартердеке со штурманом Фрайером. Кристиан и Элфинстон, помощники штурмана, были впереди среди людей. На палубе царила лихорадочная суета, всюду раздавались свистки боцманской дудки, крики матросов у шпигля и голос Кристиана, перекрывавший шум:

— Якорь почти выбран, сэр!

— Отдать марсели! — приказал Фрайер, и Кристиан передал команду дальше.

Моим местом был бизань-марс. В одну минуту мы сняли сезни и выбрали шкоты небольшого паруса. Узлы смерзлись, пальцы плохо слушались, а на фок-мачте люди работали медленно. Блай нетерпеливо взглянул наверх.

— Что вы там делаете? Заснули, что ли? На грот-марсе уже всё готово! Живее, ползучие гусеницы!

Марсели наполнились ветром, реи круто развернули, и, набирая ход на левом галсе, «Баунти» сам вырвал якорь из грунта. Несмотря на постоянные придирки Блая, команда работала быстро и слаженно. Но капитан был напряжён: за нашим отплытием наблюдали сотни опытных глаз с кораблей, стоявших ближе к берегу. Под дружное:

— Раз-два! Навались! Раз-два, дружнее!

якорь подняли и закрепили. Затем последовало:

— Отдать фок!

А вскоре, когда корабль начал крениться под порывами:

— Ставить грот!

Паруса загрохотали, блоки бешено застучали. Когда брас выбрали до отказа, сам Блай заревел:

— Выбирать грота-галс!

Мало-помалу, под могучий хор у шпиля, наветренный угол паруса спустили почти к самой палубе. Сильно накренившись на правый борт, коротконосый маленький корабль рванулся вперёд по защищённой воде — к открытому морю. Солнце поднялось в безоблачном небе. Стояло великолепное зимнее утро — ясное, холодное, сверкающее. Я стоял у борта, пока мы стремительно шли по Соленту, и моё дыхание тянулось за мной тонким дымком.

Вскоре мы миновали Нидлс, и «Баунти» взял курс в море, мчась словно скаковая лошадь под брамселями. К ночи ветер усилился до сильного шторма, море стало тяжёлым, но на следующий день погода немного смягчилась, и Рождество мы встретили весело. Команде выдали дополнительную порцию грога, а повара каждой артели насвистывали, вынимая косточки из изюма для пудинга. Сухопутный человек мог бы решить, что они свистят от радости перед праздничным угощением; на самом же деле так повар доказывал товарищам, что изюм отправляется не ему в рот.

В то время я всё ещё продолжал знакомиться с людьми на корабле. Команду «Баунти» либо привлекала перспектива путешествия в Южные моря, либо людей лично отбирали штурман и Блай. Наши четырнадцать опытных матросов были настоящими моряками, а не отбросами кабаков и тюрем, которыми нередко насильно комплектовали корабли Его Величества. Почти все офицеры обладали опытом и проверенным характером; даже ботаника Нельсона сэр Джозеф Бэнкс рекомендовал потому, что тот уже плавал на Таити с капитаном Куком.

Мистер Блай мог бы набрать сотню мичманов, если бы согласился взять всех, кто присился на «Баунти». Вместо предусмотренных штатом двух нас оказалось шестеро.

Стюарт и Янг были опытными моряками и приятными товарищами. Халлет — болезненный пятнадцатилетний мальчик с бегавшим взглядом и капризным ртом. Тинклер, шурин мистера Фрайера, был на год моложе, хотя уже ходил в море; маленький сорванец постоянно попадал в неприятности и половину времени в наказание просиживал на мачте. Хейворду, красивому угрюмому юноше, которого я встретил в первый день, было всего шестнадцать, но он отличался ростом и силой. Он любил задираť других и претендовал на роль главного среди нас, поскольку уже два года служил на семидесятичетырёхпушечном корабле.

Мы с Хейвордом, Стюартом и Янгом жили вместе на нижней палубе. Ночью в этом тесном пространстве четверо гамаков висели почти вплотную, а во время еды один сундук служил столом, остальные — сиденьями. За щедрую долю нашего субботнего грога опытный матрос Александр Смит взял на себя заботу о гамаках. За меньшую плату в той же корабельной валюте Томас Эллисон, самый молодой из матросов, исполнял обязанности прислужника за столом.

Кристиан заведовал снабжением мичманской артели. Как и остальные, при поступлении на корабль я отдал ему пять фунтов. На эти деньги он закупил картофель, лук, голландские сыры для приготовления блюда, которое мичманы называли «крабом», чай, кофе, сахар и прочие небольшие лакомства. Благодаря этим частным запасам первые недели мы жили довольно сносно, хотя худшего повара, чем молодой Том Эллисон, трудно было представить.

О напитках Кристиану заботиться не пришлось: корабельная норма и без того была весьма щедрой. Первый месяц или даже дольше каждый человек получал по галлону пива в день. Когда пиво закончилось, начали выдавать по пинте крепкого белого испанского вина мистела — матросы с любовью называли его «мисс Тейлор». А после последней капли вина оставался главный морской якорь спасения — грог.

На борту был удивительный флейтист — почти слепой ирландец по имени Майкл Бирн. Он сумел скрывать свою слепоту до самого выхода «Баунти» в море, что немало рассердило Блая. Но стоило ему в первый день выдачи грога заиграть «Нэнси Доусон», как о слепоте все забыли. Никто из нас не слышал, чтобы в эту старую весёлую мелодию можно было вставить столько переливов и украшений. Она как нельзя лучше подходила к самому счастливому часу матросского дня.

На следующий день после Рождества сильный восточный шторм отнял у нас значительную часть пива. Несколько бочек сорвало с креплений и смыло за борт огромной волной; та же волна разбила все три шлюпки и едва не унесла их. Я в это время был свободен от вахты и сидел в каюте хирурга на орлоп-деке у кормы. Это была тесная, душная конура ниже ватерлинии, пропитанная запахом трюма. Свеча горела синим пламенем от нехватки воздуха.

Но Старого Вакха всё это нисколько не беспокоило.

Настоящее имя нашего лекаря было Томас Хагган, так оно и значилось в судовых документах. Но вся команда называла его Старым Вакхом. Обычно он находился в том состоянии, которое моряки называют «под ветром» или «парус слегка полощет». А когда к привычной дозе спиртного, которую его, должно быть, медью обшитый желудок требовал через короткие промежутки, добавлялся лишний стакан бренди или кружка грога, Хагган поднимался, балансируя на единственной правой ноге, засовывал руку между третьей и четвёртой пуговицами жилета и с комической торжественностью принимался декламировать стихотворение, начинавшееся словами: *Пора Вакху сложить свою власть...*

С деревянной ногой, огненно-красным лицом, белоснежными волосами и лукавыми голубыми глазами он казался живым воплощением старого корабельного хирурга. В море он провёл столько лет, что едва помнил времена, когда жил на берегу, и мысль об отставке пугала его. Солонину он предпочитал лучшему береговому бифштексу и однажды признался мне, что почти не способен спать в настоящей постели. Левую ногу ему оторвало пушечным ядром, когда его корабль, сойдясь борт к борту с американским «Рейнджером», обменивался залпами; тогда же Хагган попал в плен к Джону Полу Джонсу.

Ближайшими друзьями Старого Вакха были ботаник Нельсон и канонир «Баунти» Пековер. На большом военном корабле обязанности канонира были тяжёлыми, но на нашем маленьком судне работы ему выпадало немного, и Пековер — весёлый человек, любивший песню и стакан, — находил достаточно времени для дружеских посиделок. Мистер Нельсон был спокойным пожилым человеком с железно-седыми волосами. Всей душой преданный ботанике, он тем не менее искренне наслаждался обществом хирурга и, когда бывал в настроении, умел рассказывать морские истории не хуже любого. Главным событием его жизни оставалось путешествие в Южные моря с капитаном Куком, память которого он почитал почти благоговейно.

Каюта Нельсона находилась перед каютой хирурга, между ними помещалась каюта Сэмюэла, капитанского писаря. Но самого ботаника значительно чаще можно было встретить у Старого Вакха, чем у себя. Во всех каютах имелись постоянные койки, сделанные плотниками ещё

в Дептфорде, но Хагган предпочитал ночью спать в гамаке. Койку он использовал как диван, а большой рундук под ней — как личный погреб для спиртного.

Каюта была едва ли больше шести на семь футов. Почти половину занимала койка, а напротив, под рейками для гамаков, стояли три небольшие ещё не открытые бочки вина. На одной из них коптила и синела свеча. Другая бочка служила сиденьем мне. Вакх и Нельсон расположились рядом на койке. Каждый держал оловянную кружку флипа — пива, щедро приправленного ромом. «Баунти» шёл левым галсом и тяжело переваливался на волнах; моя бочка время от времени пыталась выскользнуть из-под меня, но двое мужчин напротив, казалось, вовсе не замечали погоды.

— Превосходный мастер этот Перселл! — сказал хирург, с восхищением поглядывая на новую деревянную ногу. — Лучшего корабельного плотника и тесло в руках не держало! Старая нога была сущим проклятием, а эта словно родная! За здоровье мистера Перселла!

Он сделал огромный глоток флипа и причмокнул.

— А вам, Нельсон, повезло! Если с вашей подпоркой что-нибудь случится, я отпилю старую, а Перселл изготовит лучшую! Нельсон улыбнулся.

— Очень любезно с вашей стороны. Но надеюсь, мне не придётся вас утруждать.

— И я надеюсь, дорогой мой, и я надеюсь! Но ампутации никогда не бойтесь. Пинта рома, хорошо направленная бритва да поперечная пила — и вы лишитесь ноги раньше, чем успеете это заметить. Американский хирург Пола Джонса именно так и поступил со мной. Он задумался.

— Дай вспомнить... Кажется, это был семьдесят восьмой год. Я служил на старом «Дрейке» под началом капитана Бёрдена, и мы как раз разыскивали «Рейнджер» Пола Джонса. Потом узнали, что американец лёг в дрейф у входа в Белфаст-Лох. Удивительная история, клянусь Богом! У нас на борту даже были зрители — один из них офицер Иннискиллингских фузилёров в полном мундире. Мы медленно подошли к американскому кораблю с кормы. Подняли флаг и окликнули:

— Что за корабль?

«Континентальный американский корабль „Рейнджер“!» — крикнул их капитан, когда над ним поднялся американский флаг. — «Подходите! Мы вас ждём!» В следующую секунду оба корабля дали бортовой залп...

— Господи!

В этот момент огромная волна обрушилась на «Баунти» с такой силой, что корабль содрогнулся всем корпусом.

— Наверх, Байам! — приказал хирург.

Я вскочил и бросился к трапу. Сквозь треск и стоны корабля и грохот воды уже доносились слабые крики:

— Все наверх!

После спокойствия хирургической каюты я мгновенно очутился в хаосе. Блай стоял у бизань-мачты рядом с Фрайером, который орал команды помощникам. Люди убавляли паруса, готовя корабль лечь в дрейф. Матросы у гитовых изо всех сил пытались подтянуть к реям упрямо грохотавший парус. Мне вместе с двумя другими мичманами досталось убрать бизань-марсель. Парус был невелик, но в такую погоду справиться с ним оказалось совсем не просто. Внизу убрали бизань и закрепили оттяжки гафеля.

Вскоре «Баунти» уже лежал в дрейфе на левом галсе под зарифленными фок- и грот-марселями. Огромная волна оставила после себя настоящее разорение. Все три шлюпки были разбиты. Бочки с пивом, прежде закреплённые на палубе, исчезли. Корма получила такие повреждения, что капитанская каюта наполнилась водой, а затем вода стала просачиваться в расположенную ниже хлебную кладовую, испортив значительную часть запаса сухарей.

На тридцать девятой параллели шторм наконец ослаб. Выглянуло солнце, и при хорошем северном ветре мы поставили все паруса и пошли к Тенерифе. 4 января мы встретили французское торговое судно, державшее курс на Маврикий. В знак приветствия оно отпустило шкоты брамселей. На следующее утро в двенадцати лигах к юго-западу показался Тенерифе. У берега наступил штиль, и ещё сутки нам пришлось лавировать, прежде чем удалось войти на рейд Санта-Крус и бросить якорь на глубине двадцати пяти саженей рядом с испанским пакетботом и американским бригам.

Пять дней мы простояли на рейде, и именно здесь среди команды «Баунти» были посеяны первые семена недовольства, которым впоследствии предстояло погубить всё путешествие. На берегу стоял сильный прибой, поэтому Блай договорился с местными лодочниками, что те будут доставлять воду и припасы. Собственных людей он с утра до ночи занимал ремонтом повреждений после шторма. В кубрике это вызвало много ропота. Некоторые матросы надеялись попасть в корабельные шлюпки и хотя бы ступить на остров, а заодно раздобыть местного вина, которое славилось почти наравне с лучшей лондонской мадерой.

На время стоянки выдачу солонины прекратили, заменив её свежим мясом, купленным на берегу. Солонина на «Баунти» была худшей из всех, что мне доводилось видеть в море. Но говядина с Тенерифе оказалась ещё хуже. Матросы уверяли, что её нарежали с павших лошадей или мулов, и пожаловались штурману, что мясо непригодно для еды. Фрайер сообщил об этом Блаю.

Капитан пришёл в ярость и поклялся, что команда будет есть свежее мясо — или не получит никакого. В результате большую его часть выбросили за борт. Зрелище это несколько не улучшило настроение Блая. Мне повезло побывать на берегу: однажды Блай взял меня с собой нанести визит губернатору, маркизу де Браншфорте. С разрешения губернатора Нельсон ежедневно бродил по холмам в поисках растений и естественно-исторических редкостей. А его друг хирург за все пять дней стоянки показался на палубе лишь однажды.

Старый Вакх заказал для себя чудовищный запас бренди — столько, что хватило бы на год самому богу вина, чьё имя он носил. Не доверяя столь драгоценный груз береговым лодочникам, он получил у капитана разрешение послать к пристани малый катер. Когда один из матросов спустился вниз и сообщил, что бренди уже подошло к борту, хирург тут же заковылял к трапу и поднялся на палубу. Катер сидел в воде почти по самые планширы. Из-за сильной зыби Старый Вакх тревожно стоял у борта.

— Осторожнее! — заботливо командовал он. — Полегче! Если ничего не разобьёте — каждому по кружке грога!

Когда последнюю небольшую бочку подняли на борт и отправили вниз, хирург облегчённо вздохнул. Я стоял неподалёку и видел, как он впервые за всё время взглянул на остров. Затем поймал мой взгляд, вынул платок и стал вытирать пылающее лицо.

— Один остров похож на другой как две горошины, — равнодушно заметил он.

После отплытия с Тенерифе Блай разделил команду на три вахты, назначив Кристиана исполняющим обязанности лейтенанта и поручив ему третью вахту. Блай давно знал его по торговле с Вест-Индией и считал себя другом и благодетелем Кристиана. Дружба эта проявлялась своеобразно: сегодня он приглашал Кристиана обедать или ужинать с собой, а завтра в присутствии команды осыпал его самой грубой бранью.

Но само назначение действительно было для Кристиана большим благодеянием. Если плавание завершится удачно, вероятность того, что Адмиралтейство утвердит его в должности, была очень высока, и тогда Кристиан получит офицерский патент Его Величества. Теперь он официально числился среди джентльменов вместе с мичманами и Блаем. А у Фрайера появился повод для недовольства — против капитана и, как нередко бывает с человеческой природой, одновременно против своего бывшего подчинённого.

Причин для недовольства на переходе от Тенерифе к мысу Горн вообще хватало. Пища на британских кораблях всегда была скверной и выдавалась скупой — в последующие годы именно это заставило многих наших моряков переходить на американские суда. Но на «Баунти» качество провизии оказалось хуже, а нормы меньше всего, что кому-либо из нас прежде доводилось видеть.

Когда Блай собрал команду на корме, чтобы зачитать приказ о назначении Кристиана исполняющим обязанности лейтенанта, он одновременно объявил, что из-за неопределённой продолжительности плавания и позднего сезона, из-за которого оставалось неясным, удастся ли вообще пройти мыс Горн, необходимо сократить норму хлеба до двух третей обычной. Понимая необходимость экономии, матросы приняли это спокойно. Но на солонину и свинину жаловаться не перестали.

Отдельного казначея на борту не было. Его обязанности исполнял сам Блай при помощи своего писаря Сэмюэла — самодовольного, плотно сжавшего губы маленького человека, которого команда не без оснований считала капитанским осведомителем. Его ненавидели почти все. И было замечено, что человек, слишком открыто показывавший неприязнь к мистеру Сэмюэлу, вскоре непременно попадал в неприятности с лейтенантом Блаем. Сэмюэл выдавал продукты поварам артелей. Каждый раз, когда вскрывали новую бочку солонины, лучшие куски откладывались в капитанскую каюту, а всё остальное — едва пригодное для человеческой пищи — раздавали людям даже без взвешивания.

— Четыре фунта, — объявлял Сэмюэл и заносил число в книгу, хотя каждому было видно, что мяса там едва ли набиралось три.

Моряк способен терпеть многое, но мелочную жадность среди своих презирает сильнее всего. А редкий для флота тип скупого офицера вызывает у людей настоящую ненависть. Сурового капитана матросы ещё способны вынести. Но ничто не толкает британского моряка к мятежу быстрее, чем подозрение, что капитан набивает собственный карман за счёт команды. И вскоре на «Баунти» произошёл случай, который заставил людей заподозрить Блая именно в этом.

Погода стояла хорошая. Однажды утром подняли крышку главного люка и вынесли на палубу запас сыра, чтобы проветрить его. Блай не упускал ни одной мелочи в управлении судном. В подобных вопросах он проявлял такую мелочность, которая плохо вязалась с офицерским званием. Нежелание доверять подчинённым даже обычное исполнение их обязанностей нередко бывает недостатком офицеров, поднявшихся из низов — «влезших через клюз», как говорят моряки, — и именно поэтому такие командиры редко пользуются любовью людей.

Блай лично стоял рядом с бондарем Хиллбрандтом, пока тот ослаблял обручи и вскрывал бочки с сыром. В одной из них недосчитались двух головок примерно по пятьдесят фунтов каждая. Блай мгновенно взорвался.

— Украл, клянусь Богом! Хиллбрандт рискнул возразить:

— Возможно, сэр, вы припомните, что ещё в Дептфорде эту бочку открыли по вашему приказу, а два сыра отправили на берег.

— Наглый мерзавец! Молчать!

Кристиан и Фрайер находились в этот момент на палубе. Блай обвёл их и стоявших рядом матросов чёрным взглядом.

— Проклятая шайка воров! Все сговорились против меня — и офицеры, и команда. Но я вас укрошу. Клянусь Богом, укрошу! Он повернулся к бондарю:

— Ещё одно слово — и прикажу привязать вас и выпороть до костей!

После чего резко развернулся к корме и заорал вниз:

— Мистер Сэмюэл! Немедленно на палубу! Писарь торопливо прибежал на зов.

— Два сыра украдены, — сказал Блай. — Прекратить выдачу сыра. Всем — офицерам тоже. До тех пор, пока недостача не будет возмещена.

Фрайер был глубоко оскорблён, хотя в тот момент ничего не сказал. Что чувствовал Кристиан, человек щепетильной чести, догадаться было нетрудно. Матросы к тому времени тоже прекрасно поняли, откуда дует ветер. В следующий постный день, когда им выдали только масло, они отказались его принимать, заявив, что взять масло без сыра означало бы молчаливо признать факт кражи.

Один из матросов, Джон Уильямс, открыто заявил в кубрике, что именно он собственноручно отвозил эти две головки сыра в дом мистера Блая вместе с бочкой уксуса и ещё несколькими вещами, отправленными на лодке из Лонг-Рич. К этому времени личные запасы, купленные в Спитхед, начали заканчиваться, и вся команда, как говорят моряки, перешла «от пиршества к королевскому пайку».

Наши сухари только начинали обзаводиться червями и в целом были ещё неплохи, хотя для их твёрдой сердцевины, которую мичманы называли «орехом», требовались зубы лучше моих. А солёное мясо было неописуемо скверным. Однажды утром я встретил Александра Смита, который в тот день готовил для своей артели. Он показал мне кусок, только что вынутый из бочки: тёмный, каменно-твёрдый, отвратительный на вид ком, блестящий от соли.

— Взгляните, мистер Байам, — сказал Смит. — Как думаете, что это такое? Точно не говядина и не свинина! Помню, два года назад на старой «Антилопе» бондарь нашёл на дне бочки три подковы!

Он закинул косицу за плечо и переложил огромный комок табака за другую щёку.

— Видели провиантские склады в Портсмуте, сэр? Пройдите там ночью — услышите, как собаки лают и лошади ржут! А ещё скажу вам то, чего молодые джентльмены не знают.

Он осторожно оглядел палубу и понизил голос:

— Чернокожему ночью там лучше не показываться. Иначе и его запихнут в такую бочку! Он выразительно щёлкнул пальцами.

Смит очень почитал Старого Вакха, которого знал по другим кораблям. Через несколько дней он передал мне маленькую деревянную коробочку.

— Для хирурга, сэр. Передадите?

Это была табакерка из тёмного красноватого материала, похожего на красное дерево, с аккуратно пригнанной крышкой. Работа была прекрасная — вырезанная и отполированная с настоящим матросским мастерством. В тот же вечер я нашёл время зайти к хирургу. Вахту нёс Кристиан. Мы с Тинклером состояли в вахте мистера Фрайера, а третьей командовал мистер Пековер — невысокий, мощно сложенный мужчина лет сорока — сорока пяти, который едва мог припомнить время, когда не был моряком. Добродушное лицо его почернело под солнцем Вест-Индии, а руки были покрыты татуировками. Я застал Пековера вместе с хирургом и Нельсоном — втроём они теснились на койке.

— Заходите! — крикнул Старый Вакх. — Подождите, молодой человек, сейчас устроим вам место.

Он неожиданно проворно вскочил и подкатил к двери маленькую бочку. Пековер открыл кран, и пенящееся вино потекло в оловянную кружку. Прежде чем сесть на бочку с кружкой в руке, я передал хирургу табакерку.

— От Смита, говорите? Очень мило! Очень мило с его стороны! Я прекрасно помню Смита ещё по старой «Антилопе». Верно, Пековер? Кажется, я иногда угощал его каплей грога. А почему бы и нет? Жаждающий человек всегда трогает моё сердце.

Он с удовлетворением оглядел каюту, почти до самых потолочных брусьев заставленную маленькими бочонками со спиртным и вином.

— Слава Богу, ни я, ни мои друзья не узнаем жажды в этом плавании!

Нельсон протянул руку за табакеркой и стал внимательно её рассматривать.

— Всегда буду поражаться изобретательности наших моряков, — сказал он. — Любой береговой мастер со всеми своими инструментами мог бы гордиться такой работой. И дерево

отличное, прекрасно отполировано. Наверное, красное дерево, хотя рисунок несколько необычен.

Вакх с насмешкой посмотрел на Пекова. Канонир ответил широкой ухмылкой.

— Дерево? — переспросил хирург. — Ну, я слышал, что это называли и деревом, и словами похуже. Дерево, которое когда-то мычало, а может, если верить рассказам, ещё и ржало или лаяло. Он сделал паузу.

— Говоря прямо, дорогой Нельсон, ваше «красное дерево» — старая корабельная солонина. Собственность Его Величества!

— Боже мой! — воскликнул Нельсон и с настоящим изумлением снова осмотрел табакерку.

— Именно! Солонина! Выглядит не хуже красного дерева и не менее долговечна. Говорят, её даже предлагали обшивать наши вест-индские фрегаты — якобы морской червь её не берёт!

Я взял коробочку из рук Нельсона и теперь разглядывал её уже совершенно другими глазами. Старый Вакх тем временем закатал рукав и насыпал дорожку нюхательного табака прямо на выбритое предплечье. Громко втянул её носом, чихнул, яростно высморкался в огромный синий платок и наполнил кружку мистелой.

— Выпьём вина, джентльмены!

Он одним духом осушил целую пинту. Пеков смотрел на него с восхищением.

— Видите, Пеков, — сказал хирург, поймав его взгляд, — ничто так не возбуждает жажду, как хорошая солонина. Пусть повар забирает себе жир. Мне дайте постный кусок, хорошенько вымоченный и сваренный, — и можете оставить себе все береговые бифштексы и отбивные. Представьте только: потерпели мы крушение и оказались на необитаемом острове, есть нечего. А я достану табакерку и всё-таки получу один обед, пока остальные будут голодать!

— Именно так, доктор, именно так, — прогудел Пеков, ухмыляясь от уха до уха.

Глава IV

Тирания

Однажды душным послеобеденным временем, ещё до того, как мы поймали юго-восточный пассат, Блай прислал слугу пригласить меня к ужину. Поскольку большая кормовая каюта была отведена под наш будущий сад хлебных деревьев, капитан столовался на нижней палубе, в помещении по левому борту между люком и переборкой позади грот-мачты. Я оделся с некоторым старанием и, придя к корме, обнаружил, что вторым гостем был Кристиан. Хирург и Фрайер обычно ели вместе с Блаем, но Старый Вакх в тот вечер сослался на недомогание и не пришёл.

На капитанском столе красовалось немало серебра, однако, когда блюда открыли, я увидел, что питается Блай ненамного лучше команды. Нам подали солонину — на этот раз в достатке и из лучших кусков бочки, — плохое масло, ещё худший сыр, из которого предварительно выковыряли длинных красных червей, квашеную капусту, считавшуюся средством против цинги, и большое блюдо размятого гороха, которое моряки называли «собачьим телом».

Мистер Блай пил умеренно, но набрасывался на еду с таким аппетитом, какого большинство офицеров предпочли бы не демонстрировать. Фрайер был грубоватым старым моряком, однако за столом его манеры выглядели значительно лучше капитанских. Кристиан же, ещё несколько дней назад бывший всего лишь помощником штурмана, ел с безукоризненной аккуратностью, несмотря на скверную пищу. Кристиан сидел справа от капитана, Фрайер — слева, я напротив. Разговор зашёл о людях с «Баунти».

— Проклятье на них всех! — сказал Блай с набитым ртом, быстро пережёвывая мясо и горох. — Ленивые, ни на что не годные мерзавцы! Будто у капитана мало забот без такого проклятого экипажа! Отбросы кабаков...

Он с усилием проглотил пищу и снова набил рот.

— Этот тип, которого я вчера приказал выпороть... Как его звали, мистер Фрайер?

— Бёркитт, — ответил штурман, слегка покраснев.

— Вот именно, Бёркитт! Наглый пёс! И остальные ничуть не лучше. Клянусь, они не отличат шкот от галса!

— Позволю себе не согласиться, сэр, — сказал Фрайер. — Смита, Квинтала и Маккоя я назвал бы первоклассными моряками. И даже Бёркитт, хотя в тот раз он был неправ...

— Наглый пёс! — яростно повторил Блай, перебивая его. — При первой же жалобе прикажу снова привязать его к решётке. И в следующий раз будет не две дюжины, а четыре! Кристиан встретился со мной взглядом.

— Если позволите высказать мнение, мистер Блай, — спокойно сказал он, — характер Бёркитта скорее можно смягчить добрым обращением, чем побоями.

Резкий короткий смех Блая прозвучал почти зловеще.

— Вот как, мистер Кристиан! Да вам, пожалуй, место наставником в пансионе для юных барышень! Добрым обращением! Ну и ну!

Он взял стакан отвратительно пахнущей корабельной воды, прополоскал рот и потянулся к квашеной капусте.

— Хорош капитан из вас получится, если не выбросите за борт подобную чепуху. Доброта! Наши моряки понимают её примерно так же хорошо, как греческий. Вот страх — другое дело! Без страха на море царили бы мятеж и пиратство!

— В этом есть доля истины, — нехотя признал Фрайер. Кристиан покачал головой.

— Я не согласен. Наши моряки ничем не отличаются от прочих англичан. Да, некоторыми приходится управлять страхом. Но есть и другие — лучшие люди, — которые пойдут за добрым, справедливым и бесстрашным офицером до самой смерти.

— И у нас на борту есть подобные образцы добродетели? — насмешливо спросил капитан.

— По-моему, сэр, есть. И немало.

— Тогда назовите хоть одного!

— Мистер Перселл, плотник. Он...

На этот раз Блай расхохотался долго и громко.

— Чёрт возьми! Вот уж действительно тонкий знаток людей! Этот упрямый, тупоголовый старый мошенник! Доброта... Нет, это слишком хорошо!

Кристиан покраснел, с заметным усилием удерживая вспыльчивость.

— Плотник вам не подходит. Тогда, быть может, Моррисон?

— Предлагайте сколько душе угодно, — презрительно ответил Блай. — Моррисон? Этот джентльмен-помощник боцмана? Овца, притворяющаяся волком? Доброта? Он и без того слишком добр!

— Но отличный моряк, сэр, — резко вставил Фрайер. — Раньше был мичманом и родился джентльменом.

— Знаю, знаю! — самым оскорбительным тоном ответил Блай. — И от этого ничуть не выше в моих глазах.

Он повернулся ко мне и изобразил нечто, что, вероятно, считал любезной улыбкой.

— При всём уважении к вам, мистер Байам, я бы сказал: к чёрту всех мичманов! Хуже школы для будущего морского офицера, чем мичманский кубрик, не придумать.

Затем он снова обратился к Кристиану, и его тон стал откровенно вызывающим.

— Что касается Моррисона, пусть будет осторожен. Я за ним наблюдаю и прекрасно вижу, что он жалеет плоть. Будь он не джентльменом, с Бёркитта уже содрали бы половину кожи. Пусть не забывает: когда я приказываю бить — надо бить. Иначе, клянусь Богом, прикажу привязать к решётке его самого, и боцман преподаст ему урок.

Чем дольше продолжался ужин, тем яснее я понимал, насколько недружелюбна компания за капитанским столом. Фрайер не любил Блая и не забыл историю с сыром. Блай, со своей стороны, открыто презирал штурмана и нередко отчитывал его при матросах. К Кристиану он относился с пренебрежением и даже не пытался это скрывать. Поэтому меня ничуть не удивило, когда несколько дней спустя Старый Вакх сообщил, что Кристиан и Фрайер перестали столоваться у капитана, оставив Блая обедать и ужинать в одиночестве.

К тому времени мы уже пересекли экватор. На Тенерифе мы взяли большой запас тыкв, и теперь под экваториальным солнцем они начали портиться. Большинство было слишком велико для капитанского стола, поэтому Сэмюэлу приказали выдавать их команде вместо хлеба. Обменный курс — один фунт тыквы вместо двух фунтов хлеба — матросы сочли несправедливым. Узнав об этом, Блай в ярости вышел на палубу и приказал собрать всю команду. Затем Сэмюэлу велели вызвать старшего от каждой артели.

— Ну-ка, — закричал Блай, — посмотрим, кто осмелится отказаться от тыквы или от чего-либо ещё, что я прикажу вам выдавать! Наглые мерзавцы! Клянусь Богом, прежде чем мы закончим плавание, я заставлю вас траву жрать!

После этого тыквы приняли все, включая офицеров, хотя порции были столь малы, что люди обычно складывали их вместе, а повара артелей тянули жребий, кому достанется весь запас. Недовольство ещё могло бы на этом закончиться, если бы у команды не возникло подозрение, что бочки с говядиной и свининой вообще не содержали заявленного веса. Об этом говорили давно: Сэмюэла никак не удавалось заставить взвешивать мясо при вскрытии бочек.

Наконец недовольства стала настолько очевидной, что люди обратились к Фрайеру и попросили разобраться. Блай немедленно приказал собрать всех на корме.

— Значит, пожаловались мистеру Фрайеру? — резко спросил он. — Вам мало того, что получаете? Так вот, клянусь Богом, пора привыкнуть довольствоваться тем, что есть! Всё, что делает мистер Сэмюэл, он делает по моему приказу. По моему! Больше не тратьте время на жалобы — никакого удовлетворения вы не получите. Только я решаю, что правильно, а что нет. Чёрт бы вас побрал! Я устал от вас и ваших жалоб! Следующий, кто откроет рот, будет привязан и выпорот.

Поняв, что до конца плавания справедливости ожидать не приходится, матросы решили переносить лишения молча и больше открыто не жаловались. Но офицеры, хотя и не решались протестовать вслух, мирились с постоянным голодом хуже и часто между собой говорили, что причина его — выгода, которую капитан и его писарь получили при снабжении корабля. Паёк был настолько мал, что люди яростно ссорились у камбуза при разделе пищи. После того как несколько человек пострадали в драках, помощнику штурмана соответствующей вахты пришлось лично следить за раздачей.

Примерно в ста лигах от берегов Бразилии ветер переменился на северный и северо-западный, и я понял, что мы достигли южной границы юго-восточного пассата. В области переменных западных ветров «Баунти» на день или два попал в штиль, и команда занялась рыбной ловлей. Каждая артель рисковала частью и без того скудного запаса солёной свинины, надеясь поймать одну из акул, круживших вокруг корабля.

Сухопутный человек презрительно морщится при мысли об акульем мясе, но для моряка, истосковавшегося по свежей пище, молодая акула длиной меньше десяти футов — настоящий деликатес. У крупных особей мясо пахнет резко и неприятно, а у небольших, нарезанное ломтиками словно бифштекс, слегка отваренное, а затем поджаренное с перцем и солью, оно весьма недурно и напоминает по вкусу треску.

Впервые я попробовал акулу вечером у берегов Бразилии. Стоял полный штиль. Паруса безжизненно висели на реях и лишь слегка шевелились, когда корабль плавно покачивался на слабой северной зыби. У шпиля стоял Джон Миллс, помощник канонира, держа в руке толстую свёрнутую лесу. Он был старым моряком, служил в вахте Кристиана и прежде ходил в Вест-Индию на «Медиаторе» капитана Катберта Коллингвуда. Я не любил этого высокого, костлявого, мрачного старого матроса, однако с интересом наблюдал, как он готовил наживку.

Рядом стояли двое его товарищей — Браун, помощник ботаника, и Норман, помощник плотника. Артель пожертвовала большим куском солёной свинины. Если акула сорвётся, потерю понесут все; если поймается — добычу разделят. Как раз под носом корабля прошла акула футов десяти длиной. Я перегнулся через борт, стараясь не упустить зрелище. В следующую секунду у приманки мелькнула небольшая полосатая рыбка, похожая на скумбрию.

— Рыба-лоцман! — крикнул Норман. — Осторожно, акула идёт!

— Чёрт тебя побери! — рывкнул Миллс. — Не прыгай как обезьяна, спугнёшь!

В синей воде под приманкой медленно поднималось уродливое желтоватое пятно. Все взгляды были прикованы к акуле. Она повернулась на бок, раскрыла пасть и проглотила свинину.

— Села, клянусь Богом! — заорал Миллс, выбирая лесу. — Ну, братцы, тащим на палубу!

Леса была крепкой. Люди навалились дружно, и через мгновение акула уже билась на палубе. Миллс схватил топор и тяжело ударил её по рылу. В следующую секунду на ещё содрогающееся тело уселись верхом шесть или семь человек и с ножами принялись резать добычу. Зрелище было настолько нелепым, что трудно было не рассмеяться. Миллсу по праву ловца принадлежала голова, поэтому он сидел впереди. Каждый из остальных старался усестись как можно дальше к хвосту, чтобы увеличить свою долю, и резал мясо в нескольких дюймах от зада соседа.

— Осторожнее там!

— Смотри, а то отрежу тебе кусок задницы!

Через три минуты бедная акула была разделена на столько огромных ломтей, сколько людей сидело на ней. Палубу вымыли. Миллс собирал свою долю, когда вперёд неторопливо подошёл мистер Сэмюэл.

— Отличный улов, дружище, — сказал он своим покровительственным тоном. — Мне ведь положен кусочек?

Как и почти все на «Баунти», Миллс терпеть не мог писаря. Сэмюэл не пил ни рома, ни вина, и команда подозревала, что он копит собственную норму спиртного, чтобы потом выгодно продать на берегу.

— Значит, вам непременно нужен кусок? — проворчал Миллс. — Тогда мне непременно нужен стакан грога. И покрепче, если вы сегодня хотите есть акулу.

— Ну полно, дружище! — раздражённо сказал Сэмюэл. — У вас там рыбы на дюжину человек.

— А у вас грога припрятано на тысячу!

— Это для капитанского стола.

— Тогда поймайте капитану акулу сами. Эта моя. Ему и без того достаётся лучший хлеб и лучшие куски из бочки.

— Вы забываетесь, Миллс! Дайте мне кусок — вон тот, большой, — и я ничего не скажу.

— Ничего не скажете? Вот вам ваш кусок!

С этими словами Миллс со всей силы метнул десяти- или двенадцатифунтовый ломоть сырой рыбы прямо в лицо Сэмюэлу. Писарь рухнул на палубу. Миллс повернулся и, ругаясь себе под нос, ушёл вниз. Сэмюэл поднялся — не забыв подобрать свою акулу — и медленно направился к корме. Взгляд его не предвещал Миллсу ничего хорошего. Новость разнеслась по кораблю мгновенно. Впервые за всё плавание Миллс стал всеобщим любимцем, хотя никто не сомневался, что наказания ему не избежать. Как выразился Старый Вакх вечером:

— Самое меньшее, на что он может рассчитывать, — красная рубашка у трапа. Сэмюэл — червь, причём мерзкий червь, но дисциплина есть дисциплина, чёрт возьми!

Я убеждён, что когда-нибудь настанет день, когда телесные наказания на кораблях Его Величества будут отменены. Это чрезмерно жестокий способ наказания: у достойного человека он убивает чувство собственного достоинства, а дурного делает ещё хуже. Сухопутные люди почти не представляют, что такое порка у корабельного трапа. Удары наносятся со всей силой мощной руки, и каждый буквально выбивает воздух из тела. Уже первый удар сдирает кожу там, где ложатся узлы. После шести вся спина превращается в сплошную рану. После двенадцати плоть глубоко входит в мясо, и спина становится ужасной красной массой.

А ведь шесть дюжин ударов считались вполне обычным наказанием. Как и ожидалось, Миллс провёл ночь в кандалах. На следующее утро я узнал, что товарищи сохранили для него всю свою порцию грога, чтобы подкрепить перед неизбежной поркой. В шесть склянок Блай вышел на палубу и приказал Кристиану собрать всех для присутствия при наказании. Погода стала прохладнее; «Баунти», поставив все паруса, легко шёл на юг при слабом северо-западном ветре. Приказ передали вперёд. Я присоединился к офицерам на корме, а матросы выстроились вдоль бортов и на рангоутных балках. Никто не говорил.

— Приготовить решётки, — резко приказал Блай.

Плотник с помощниками принёс две деревянные решётки, которыми закрывали люки. Одну положили на палубу, вторую поставили вертикально и закрепили у подветренного трапа.

— Решётки готовы, сэр, — доложил Перселл.

— Джон Миллс! Вперёд!

Миллс вышел из строя товарищей. От выпитого рома лицо его горело. Он был одет в лучшую одежду — старый матросский обычай, словно чистота и опрятность могли смягчить

наказание. Однако в его осанке всё ещё чувствовался вызов. Он был жёстким человеком и считал, что с ним поступили несправедливо.

— Хотите что-нибудь сказать? — спросил Блай.

— Нет, сэр, — угрюмо ответил Миллс.

— Раздеться!

Он сорвал рубаху, бросил её товарищу и с обнажёнными плечами подошёл к решётке.

— Привязать.

Квартирмейстеры Нортон и Ленклеттер, старые моряки с косицами, выполнявшие эту работу десятки раз, привязали вытянутые руки Миллса к вертикальной решётке.

— Готов, сэр!

Блай снял шляпу. Все на корабле последовали его примеру. Он раскрыл Военно-морские статьи и торжественным голосом прочёл положение о наказании за мятежное поведение. Моррисон тем временем развязывал красный суконный мешок с плетью.

— Три дюжины, мистер Моррисон, — сказал Блай. — Исполняйте долг.

Моррисон был человеком добрым и склонным к размышлениям. Мне было тяжело за него: я знал, что он ненавидит порку и понимает несправедливость наказания. Но под пристальным взглядом капитана он не мог ослабить удары. Хотел он того или нет, сейчас Моррисон был орудием Блая. Он подошёл к решётке, пропустил хвосты плети между пальцами, отвёл руку и ударил. Миллс невольно дёрнулся. Плеть со свистом рассекла спину, и из груди вырвалось тяжёлое:

— Ух!

На белой коже мгновенно поднялся широкий красный рубец, по краям показались капли крови. Миллс был крепким, суровым человеком. Первую дюжину он выдержал без крика, хотя к тому времени вся его спина от шеи до пояса представляла собой кровавую рану. Блай наблюдал, скрестив руки.

— Я покажу ему, кто капитан этого корабля, — спокойно сказал он Кристиану. — Клянусь Богом, покажу.

На восемнадцатом ударе самообладание Миллса сломалось. Он корчился у решётки, крепко стиснув зубы; кровь стекала по спине.

— О! Господи! О!

— Мистер Моррисон! — резко окликнул Блай. — Бейте как следует.

Моррисон провёл хвосты плети между пальцами, очищая их от крови и кусочков кожи, и под взглядом капитана нанёс оставшиеся удары. Для меня это тянулось бесконечно. Когда Миллса отвязали, лицо его стало почти чёрным. Он сразу рухнул на палубу. Старый Вакх доковылял вперёд и приказал отнести его в лазарет и промыть раны рассолом. Блай спокойно направился к трапу.

Матросы молча разошлись по своим обязанностям. В начале марта нам приказали убрать лёгкую тропическую одежду и достать тёплые вещи, приготовленные специально для прохождения мыса Горн. Брам-стенги спустили, поставили новые паруса, корабль готовили к тяжёлым ветрам и морям.

С каждым днём становилось холоднее. Я всё охотнее проводил редкие свободные вечера либо у Старого Вакха и его приятелей, либо в нашем мичманском кубрике. Теперь вместе с нами столовались хирург, Стюарт, Хейворд, Моррисон и Нельсон. Мы прекрасно ладили, если не считать того, что Хейворд никогда не забывал: по сроку службы я был младше его, — и постоянно выставлял напоказ знание морского дела, действительно превосходившее моё.

Для каждого человека на борту те дни и ночи были мучением. Порой ветер заходил к юго-западу, налетали снежные шквалы, и нам приходилось поворачивать на левый галс. Иногда шторм усиливался до урагана, и мы лежали в дрейфе под клочком стакселя, тяжело ныряя в разбивающиеся волны. Корабль был новым и крепким, но от постоянного напряжения швы

начали расходиться, и насосы приходилось пускать каждый час. Люки почти всё время были задраены. Когда потекла носовая палуба, Блай приказал людям подвешивать гамаки в большой кормовой каюте.

Наконец даже железная решимость капитана дала трещину. К огромному облегчению всей команды он приказал отвернуть и идти к мысу Доброй Надежды. Последовавшая хорошая погода и быстрый переход на восток заметно подняли настроение. У мыса Горн мы наловили множество морских птиц и держали их в клетках, сделанных плотником. Лучше всего оказались пинтадо и альбатросы: несколько дней откармливания молотым зерном превращали их, по нашему голодному мнению, почти в уток и гусей.

Свежая пища прекрасно подействовала на больных. Когда настроение улучшилось, мичманы «Баунти» снова принялись за обычные для молодых моряков шалости. Никто из нас не избежал наказания на мачте, и, надо признать, чаще всего мы его вполне заслуживали. Особенно часто попадался Тинклер — маленький сорванец, любимец всего корабля. Однажды холодной лунной ночью, когда мы находились на долготе Тристан-да-Куньи, суровость Блая к нему стала предостережением для всех нас и вызвала немало ропота среди матросов.

В левобортном кубрике находились Халлет, Хейворд, Тинклер и я. На вахте стояла команда канонира, а Стюарт и Янг были на палубе. Мы уже поужинали и коротали время за игрой, которую называли «Эйблукетс» — на берегу я никогда такой не встречал. Сначала раздавали карты, но называть их картами запрещалось: это были «Добрые книги». Стол назывался «Зелёной доской», рука — «Ластой», свет — «Огоньком» и так далее. Если кто-нибудь забывался и говорил «стол» или «карта», остальные немедленно кричали:

— Вахта!

Провинившийся должен был протянуть «Ласту», и каждый по очереди крепко бил его чулком, набитым песком, при этом повторяя ошибочно сказанное слово. Если от боли человек ругался — а случалось это часто, — снова раздавалось:

— Вахта! И весь круг начинался сначала.

Игра, как нетрудно догадаться, была весьма шумной. В тот вечер Тинклер нечаянно произнёс слово «стол».

— Вахта! — заорал Хейворд, любивший покомандовать.

Когда очередь бить дошла до него, он приложился настолько сильно, что мальчишка взвизгнул:

— Ай! Чёрт бы тебя побрал!

— Вахта! — снова заревел Хейворд.

И почти одновременно с кормы донёсся другой рёв — Блай сердито требовал корабельного капрала. Тинклер и Халлет метнулись в свой кубрик по правому борту. Хейворд мгновенно погасил свет, сбросил туфли и куртку, прыгнул в гамак, натянул одеяло до подбородка и принялся мерно похрапывать. Я последовал его примеру. А маленький Тинклер в панике, должно быть, лёг как был — в одежде и обуви. Через мгновение в тёмный кубрик ввалился Черчилль, оружейный старшина.

— Ну-ну, молодые джентльмены, хватит притворяться!

Он прислушался к нашему дыханию, ощупал нас, проверяя, сняты ли куртки и туфли, и, ворча, отправился в соседнее помещение. Халлет успел подготовиться, как и мы. А Тинклера поймали с поличным.

— Вставайте, мистер Тинклер, — прогудел Черчилль. — Похоже, сегодня вам на мачту. Ночь чертовски холодная. Я бы вас отпустил, если бы мог. Вы, молодые джентльмены, своими проклятыми выходками полкорабля не даёте спать.

Он увёл его к корме. Вскоре раздался резкий голос Блая:

— Чёрт побери, мистер Тинклер! Вы что, думаете, это кабак? Клянусь Богом, я уже готов приказать связать вас и познакомить с верёвочным концом! На мачту!

На рассвете следующего утра Тинклер всё ещё находился на салинге грот-брам-стенги. Небо было ясным, но сильный западно-юго-западный ветер пронизывал ледяным холодом. Блай вышел на палубу и крикнул наверх, чтобы мальчик спускался. Ответа не было. Он крикнул снова. Тишина. По слову Кристиана один из марсовых стремительно полез наверх. Добравшись до салинга, он крикнул вниз, что Тинклер, похоже, умирает и оставлять его нельзя — может сорваться.

Тогда наверх поднялся сам Кристиан. Он отправил матроса вниз за блоком, устроил простейший подъём на фале лиселя и осторожно спустил Тинклера на палубу. Мальчик был синий от холода, не мог стоять и почти не говорил. Мы уложили его в гамак, обмотали тёплыми одеялами. Старый Вакх тут же появился с кружкой своего универсального лекарства. Он нащупал пульс, приподнял мальчику голову и стал понемногу вливать ложкой чистый ром. Тинклер закашлялся и открыл глаза. На щеках появился слабый румянец.

— Ага! — воскликнул хирург. — Нет ничего лучше рома, мой мальчик! Вот так, ещё глоточек. Хорошо! Теперь побольше. Клянусь Богом, ром — лекарство всему! Сейчас поставим вас на ноги. А раз уж вспомнили... пожалуй, и мне не помешает капля. Для оживления мёртвых, так сказать!

Тинклер, кашляя от обжигавшего горло напитка, всё-таки улыбнулся. Через два часа он уже был на палубе и, казалось, совершенно оправился. 23 мая мы бросили якорь в Фолс-Бей неподалёку от Кейптауна. Столовую бухту в это время года считали ненадёжной из-за сильных северо-западных ветров. Корабль требовал полной конопатки: после мыса Горн течь стала настолько сильной, что насосы приходилось пускать ежечасно. Паруса и снасти тоже были в жалком состоянии, а хронометр отправили на берег для проверки хода.

29 июня мы вышли из бухты, проходя мимо голландского форта и отсалютовав ему тринадцать выстрелами. О долгом, холодном и унылом переходе от мыса Доброй Надежды до Земли Ван-Димена у меня сохранилось мало воспоминаний. День за днём мы мчались под сильными западными и юго-западными ветрами, неся лишь фок и грот-марсель с двумя рифами. В этих широтах волны, ничем не прерываемые на протяжении тысяч миль, поднимались подобно горным хребтам. Дважды, когда ветер усиливался до шторма, Блай едва не загнал корабль под воду, прежде чем мы успели убрать паруса и лечь в дрейф.

Я заметил, что при юго-западном и западно-юго-западном ветре нас сопровождали огромные стаи птиц — пинтадо, альбатросы и голубые буревестники. Но стоило ветру хотя бы на час повернуть к северу, как птицы исчезали. Их возвращение почти неизменно предвещало новый южный ветер. 20 августа мы увидели скалу Мьюстон у юго-западного мыса Земли Ван-Димена, примерно в шести лигах к северо-востоку. Два дня спустя бросили якорь в бухте Адвенчер.

Там мы провели две недели: заготавливали дрова, набирали воду и пилили доски, необходимые плотнику. Место было мрачным. Со всех сторон бухту окружали леса высоких прямых эвкалиптов, многие из которых поднимались на сто пятьдесят футов, причём первые шестьдесят или восемьдесят футов ствола оставались без единой ветви. С деревьев клочьями свисала кора, на земле она лежала гниющими полосами.

Птиц почти не было слышно. Из зверей я видел только одно небольшое животное вроде опоссума, юркнувшее в полое бревно. Люди здесь тоже жили, но были пугливы, словно дикие звери: чёрные, нагие, непривычного для нас вида, с волосами, растущими небольшими клочками, и голосами, напоминавшими гусиное гоготанье. Несколько раз я видел небольшие группы, однако при нашем появлении они сразу убегали.

Блай назначил меня старшим над группой, отправленной за водой. Нам дали большой катер и велели наполнять бочки в овраге у западного края пляжа. Рядом Перселл устроил пилораму и вместе с помощниками Норманом и Макинтошем и двумя матросами заготавливал доски. Они свалили два или три огромных эвкалипта, но, осмотрев древесину, плотник

признал её негодной и приказал перейти на более мелкие деревья другого вида, с грубой корой и плотной красноватой древесиной.

Однажды утром, когда я наблюдал за наполнением бочек, появился Блай с охотничьим ружьём на руке. Рядом шёл Нельсон. Капитан посмотрел в сторону пилорамы и остановился.

— Мистер Перселл! — резко позвал он.

— Да, сэр.

Плотник «Баунти» в некоторых отношениях был очень похож на капитана. Если не считать хирурга, он был самым старым человеком на борту и почти всю жизнь провёл в море. Свой ремесло он знал так же хорошо, как Блай — навигацию. И характер имел такой же властный, а вспышки гнева — столь же внезапные и яростные.

— Чёрт возьми, мистер Перселл! Эти брёвна слишком малы для досок. Я ведь приказал вам использовать большие деревья.

— Приказали, сэр.

— Тогда выполняйте приказ, а не тратьте время.

— Я не трачу время, сэр, — ответил плотник, краснея. — Древесина больших деревьев никуда не годится. Я убедился в этом после того, как несколько свалил.

— Не годится? Чепуха! Мистер Нельсон, разве я не прав?

— Я ботаник, сэр, — осторожно ответил Нельсон. — Не претендую на знания плотника в вопросах древесины.

— Вот именно, — вставил Перселл. — А плотник в древесине разбирается. Если распилить эти большие деревья, доски ни на что не будут годны. Блай не выдержал.

— Делайте, что вам приказано, мистер Перселл! Я не намерен спорить ни с вами, ни с кем другим из моих подчинённых.

— Хорошо, сэр, — упрямо сказал плотник. — Значит, большие деревья. Но предупреждаю: доски будут бесполезными. Плотник знает своё дело не хуже, чем капитан своё.

Блай уже отвернулся, но мгновенно развернулся обратно.

— Старый мятежный ублюдок, вы зашли слишком далеко! Мистер Норман, принимайте работу здесь. Мистер Перселл, немедленно явитесь к лейтенанту Кристиану. Пятнадцать суток в кандалах.

Мне пришлось отвезти Перселла на корабль. Старик был багровым от ярости. Челюсти сжаты, кулаки стиснуты так сильно, что на предплечьях вздулись вены.

— Ублюдком меня называет, — бормотал он, ни к кому не обращаясь. — И в кандалы сажает за то, что я исполняю долг. Это ему так не пройдёт, клянусь Богом. Вот вернёмся в Англию — увидит. Я свои права знаю.

Мы всё ещё жили на самом скудном пайке. Адвенчер-Бей почти ничего не могла предложить ни больным, ни здоровым. Сколько ни тянули невод, рыбы попадалось мало, да и та была посредственной. Мидии на скалах сначала показались приятным разнообразием, но вскоре выяснилось, что они ядовиты. Пока Блай лакомился дикими утками, которых сам подстреливал, команда почти голодала. Среди офицеров недовольство росло.

Все две недели в бухте прошли в ссорах и раздражении. Перселл сидел в кандалах. Фрайер и Блай почти перестали разговаривать из-за подозрений штурмана, что капитан нажился на снабжении корабля. А незадолго до отплытия Неда Янга, одного из мичманов, привязали к пушке на квартердеке и дали ему дюжину ударов верёвочным концом. Янг отправился на малом катере с тремя людьми искать моллюсков, крабов и любую пищу для больных, живших в палатке на берегу. Они ушли в сторону мыса Фредерик-Генри и вернулись только после наступления темноты. Янг доложил, что Дик Скиннер, один из опытных матросов и корабельный цирюльник, ушёл в лес и исчез.

— Скиннер заметил дуплистое дерево, — объяснял он Блаю, — вокруг которого было много пчёл, и решил, что там есть мёд. Попросил разрешения выкурить пчёл, сказав, что в

молодости занимался пчеловодством. Я разрешил, поскольку подумал, что вы, сэр, будете рады добыче для больных. Через час или два, загрузив катер моллюсками, мы вернулись к дереву. Костёр ещё тлел, но Скиннера нигде не было. Мы бродили по лесу и кричали до темноты, однако, к сожалению, не нашли и следа.

Я случайно знал, что в тот самый день Блай требовал цирюльника к себе и страшно рассердился, узнав, что тот ушёл с Янгом. Теперь, когда человек ещё и пропал, капитан был вне себя.

— Чёрт бы побрал вас и всех мичманов! — заорал он. — Вы все одинаковы! Если бы вы нашли этот мёд, то сожрали бы его на месте! Где, чёрт возьми, Скиннер? Немедленно садитесь в катер и возвращайтесь туда, где видели его в последний раз. И на этот раз привезите его обратно!

Янг был уже взрослым мужчиной. От слов капитана он покраснел, но почтительно коснулся шляпы и немедленно собрал людей. Они вернулись только на следующее утро, проведя почти сутки без пищи. На этот раз Скиннер был с ними. Он ушёл искать другое дерево с мёдом и заблудился в густом лесу. Блай нервно ходил по квартердеку, пока катер подходил к кораблю. Он принадлежал к тем людям, которые долго носят обиду в себе, пока она не разрастается до размеров, совершенно несоразмерных причине. Стоило Янгу ступить на палубу, как капитан взорвался.

— Ко мне, мистер Янг! Я научу вас исполнять обязанности, а не развлекаться по лесам. Мистер Моррисон!

— Да, сэр!

— Идите сюда и привяжите мистера Янга к той пушке. Дюжину ударов верёвочным концом.

Янг был офицером корабля и числился джентльменом; гордый, бесстрашный человек хорошего происхождения. Формально капитан имел право наказать его, однако публичная порка офицера такого положения была почти неслыханным случаем. Моррисон даже открыл рот от удивления. Он подчинился с таким явным нежеланием, что Блай тут же угрожающе крикнул:

— Живее, мистер Моррисон! Я за вами наблюдаю!

Я не стану описывать порку Янга. Не стану рассказывать и о том, как Скиннеру двумя дюжинами ударов изрезали спину. Достаточно сказать: с того дня Янг стал другим человеком. Он исполнял обязанности молча и угрюмо и избегал остальных мичманов. Много позже он сказал мне, что, сложись события иначе, после возвращения в Англию он намеревался оставить флот и потребовать от Блая ответа уже не как подчинённый от капитана, а как мужчина от мужчины.

4 сентября, при прекрасном свежем северо-западном ветре, мы снялись с якоря и вышли из Адвенчер-Бей. Семь недель спустя, после спокойного перехода, который сделали мучительным вспышка цинги и постоянный голод, я увидел свой первый остров Южных морей.

Мы набрали нужную долготу в высоких южных широтах, а затем, войдя в пассаты, долго шли на север правым галсом. Теперь мы были глубоко в тропиках и близко к земле. Над кораблём парили фрегаты с длинными раздвоенными хвостами, похожими на раскрывающиеся и закрывающиеся ножницы. Косяки летучих рыб вспархивали из-под форштевня, скользили над водой и снова падали в море, словно россыпь картечи.

Море было того бледно-бирюзового цвета, который встречается лишь в тропиках, а под облаками местами переходило в фиолетовый. Длинный тихоокеанский вал с востока разбивался о лабиринт низких коралловых островов — огромную цепь едва выступающих из воды земель, которую местные жители называют Паумоту. И «Баунти» шёл теперь по спокойному морю. В тот день я был свободен от вахты и разбирал вещи, которые по совету сэра Джозефа Бэнкса приобрёл для обмена с таитянами.

Гвозди, напильники и рыболовные крючки пользовались большим спросом, как и дешёвые украшения для женщин и девушек. Мать дала мне пятьдесят фунтов на эти покупки, а сэр Джозеф добавил ещё столько же, посоветовав не скупиться.

— Никогда не забывайте, — сказал он мне, — что в Южных морях семь смертных грехов соединяются в один. И этот один — скупость.

Я хорошо запомнил совет. Теперь, осматривая свои запасы подарков, чувствовал, что сто фунтов потрачены не зря. С детства я любил рыбную ловлю, поэтому купил множество крючков всех размеров — лучших, какие только можно было найти. Половину морского сундука занимали другие товары: мотки латунной проволоки, дешёвые кольца, браслеты и ожерелья; напильники, ножницы, бритвы, разные зеркальца и дюжина гравированных портретов короля Георга, которые раздобыл для меня сэр Джозеф.

А в самом углу сундука, подальше от любопытных глаз товарищей, лежала обитая бархатом коробочка с Мейден-Лейн. В ней были браслет и ожерелье с необычным плетёным узором, напоминавшим морской сезень. Я был романтичным юношей и, конечно, мечтал о какой-нибудь прекрасной дикарке, которая окажет мне благосклонность. Теперь, оглядываясь назад через длинную вереницу лет, я улыбаюсь простоте того мальчика. Но отдал бы всю приобретённую тяжёлым трудом житейскую мудрость за возможность хотя бы на час вернуть настроение тех дней юности. Я уже убрал коробочку обратно, когда услышал резкий, звонкий голос Блая. Его каюта находилась всего в пятнадцати футах от меня.

— Мистер Фрайер! Будьте добры зайти ко мне.

— Да, сэр.

Подслушивать я не собирался, но уйти, оставив открытый сундук, тоже не мог.

— Завтра или послезавтра, — сказал Блай, — мы бросим якорь в бухте Матаваи. Я приказал мистеру Сэмюэлу составить опись оставшихся запасов, и это позволило ему подсчитать, сколько провизии уже израсходовано. Взгляните на эту книгу. Здесь требуется ваша подпись.

Последовало долгое молчание. Наконец заговорил Фрайер.

— Я не могу это подписать, сэр.

— Не можете? Что вы хотите сказать?

— Писарь ошибается, мистер Блай. Столько говядины и свинины не выдавалось.

— Вы ошибаетесь! — раздражённо ответил капитан. — Я знаю, что было принято на борт и что осталось. Мистер Сэмюэл прав.

— Я не могу подписать, сэр.

— И почему, чёрт возьми? Всё, что сделал писарь, сделано по моему приказу. Подписывайте немедленно! Чёрт побери, я не самый терпеливый человек на свете.

— Не могу, — упрямо повторил Фрайер, и в его голосе уже слышался гнев. — Совесть не позволяет, сэр.

— Можете! — заорал Блай. — И более того — подпишете!

Он с топотом поднялся по трапу на палубу.

— Мистер Кристиан! — услышал я. — Немедленно собрать всю команду! Приказ засветили и прокричали вперёд.

Когда мы собрались, капитан, весь красный от ярости, снял шляпу и прочитал Военно-морские статьи. Затем вперёд вышел Сэмюэл с книгой, пером и чернилами.

— Ну, сэр! — приказал Блай Фрайеру. — Подписывайте.

Воцарилась мёртвая тишина. Штурман нехотя взял перо.

— Мистер Блай, — сказал он, с трудом сдерживая себя, — команда засвидетельствует, что я подписываю только по вашему прямому приказу. Но прошу помнить, сэр: к этому вопросу ещё могут вернуться впоследствии.

И в этот самый момент с фор-марса раздался долгий крик:

— Земля!

Глава V

Таити

Этой ночью на «Баунти» почти никто не спал. Корабль лежал в штиле примерно в лиге от устья большой долины Папеноо, а слабый береговой ветер спускался с гор и приносил запах земли и растительности. Мы жадно вдыхали его после долгих месяцев в море: аромат незнакомых цветов, дым костров и, сильнее всего, запах самой земли — сладчайший для моряка.

Больные цингой словно оживали от одного этого воздуха. Апатия исчезала; они оживлённо говорили о фруктах, которые надеялись попробовать на следующий день, и жаждали их так, как умирающий от жажды мечтает о воде. Незадолго до заката мы увидели Эймео — небольшой высокий остров к западу от Таити, примерно в четырёх лигах. Солнце скрылось за его зубчатыми вершинами, а следом за ним в море опустился тонкий золотой серп молодой луны.

В этих широтах сумерки почти отсутствуют. Казалось, прошло лишь несколько минут — и над нами уже сияли звёзды. Одна яркая планета низко на западе проложила по воде дрожащую дорожку света. Южнее были видны Крест и Магеллановы Облака, а также созвездия, незнакомые жителю Северного полушария, — тёплые, золотистые и словно совсем близкие на чёрном небе. Из каюты хирурга доносилась отрывистая песня: Старый Вахх снова пировал с Пековером. Все остальные, кажется, были на палубе.

Вдоль берега мерцали бесчисленные факелы. Островитяне ловили рыбу или переходили от одного дома к другому вдоль пляжа. Матросы стояли у фальшбортов и на палубных балках, тихо разговаривая и вглядываясь в тёмную массу земли. В ту ночь словно изменилось настроение всего корабля. Все прежние обиды и недовольство на время исчезли, уступив место спокойному ожиданию и счастливой мысли о том, что принесёт завтрашний день. Даже Блай был необычно приветлив. Он ходил по палубе с Кристианом, и время от времени до меня долетали обрывки его разговора:

— Не такое уж плохое плавание... Всего четверо с цингой — неделя на берегу, и поставим их на ноги... Корабль крепок как орех... Якорная стоянка здесь так себе... Скоро перейдём из Матаваи... Прекрасное место, чтобы освежить команду и пополнить запасы...

Я стоял в вахте Фрайера. Ближе к полуночи штурман заметил, как я подавляю зевок: я уже много часов не спал.

— Поспите немного, мистер Байам, — добродушно сказал он. — Всё спокойно. Если понадобится, я разбужу.

Я устроился в тени кнехтов позади главного люка и лёг прямо на палубе. Глаза слипались, но заснул я не сразу. Когда проснулся, на востоке уже серел рассвет. За ночь нас немного снесло на запад. Теперь «Баунти» лежал напротив долины Вайпупу, откуда к морю выходит река у мыса Венеры — самой северной точки Таити-Нуи. Именно здесь когда-то подошёл к новой земле «Долфин» капитана Уоллиса. А позже капитан Кук устроил на длинном низком мысе обсерваторию, чтобы наблюдать прохождение Венеры по солнечному диску — от этого событие и место получили своё знаменитое название.

Далеко в глубине острова, за отвесными стенами долины, поднималась центральная гора Орохена — острая вершина вулканической породы высотой около семи тысяч футов. Её вершина уже была залита солнцем, а свет постепенно спускался вниз, выгоняя тени из долины и освещая зелёные предгорья и богатую прибрежную землю. Мне казалось, что ничего прекраснее я в жизни не видел. Всё побережье вокруг бухты Матаваи выглядело открытым, солнечным и гостеприимным.

Вход в бухту находился чуть больше чем в лиге от нас. К кораблю уже направлялось множество каноэ. Большинство было небольшими, на четыре-пять человек, с балансиrom по левому борту и высокой кормой, загнутой почти полукругом. Среди них было несколько двойных каноэ, каждое на тридцать и более человек. Островитяне приближались очень быстро. Гребцы делали по несколько коротких быстрых гребков с одной стороны, а затем по команде человека на корме разом переносили вёсла на другую. Когда первые лодки подошли ближе, раздались крики:

— Тайо? Перитане? Рима? То есть:

— Друг? Англичанин? Лима?

Последним словом они спрашивали, не испанский ли это корабль из Перу.

— Тайо! — крикнул Блай, знавший несколько таитянских слов. — Тайо! Перитане!

В следующую секунду первые островитяне уже перелезали через борт. Так я впервые увидел вблизи народ, о котором столько читал. Большинство прибывших были мужчинами — высокими, красивыми, сильными, со светлой медно-коричневой кожей. Они носили набедренные одеяния из узорчатой ткани собственного изготовления, лёгкие плащи с бахромой, соединённые у горла, и коричневые тюрбаны. Некоторые были обнажены по пояс и обладали телосложением настоящих гигантов. Другие вместо тюрбанов носили маленькие шапочки из свежесплетённых кокосовых листьев, которые называли *таумата*.

Их лица, словно лица детей, мгновенно отражали каждое чувство. Они часто улыбались, и я с удивлением замечал необыкновенную белизну и правильность зубов. Женщин в то первое утро поднялось на борт немного. Все они принадлежали к простому сословию и по сравнению с мужчинами казались совсем невысокими. На них были длинные юбки из белой ткани и лёгкие накидки из того же материала, защищавшие плечи от солнца. Накидки оставляли правую руку свободной и немного напоминали римскую тогу.

Лица их выражали добродушие, мягкость и весёлость. Было нетрудно понять, почему столько европейских моряков прежде привязывались к девушкам, в которых, казалось, были соединены все приятные качества женского характера. Блай заранее приказал обращаться с островитянами как можно доброжелательнее, однако внимательно следить за ними из-за склонности простолюдинов к воровству.

Утренний ветер усиливался, и мы лавировали к входу в бухту левым галсом. На корабле стоял невообразимый шум. Не меньше сотни мужчин и, наверное, четверть этого числа женщин заполнили палубы, крича, смеясь, размахивая руками и оживлённо обращаясь к нам так, словно были совершенно уверены, что мы понимаем каждое их слово. Матросы настолько увлеклись гостями женского пола, что удержать их на постах оказалось непросто.

Наконец мы прошли узким проходом между западной оконечностью рифа перед мысом Венеры и затопленной скалой, известной как банка «Долфин», на которой когда-то едва не погиб корабль Уоллиса. В девять часов утра «Баунти» бросил якорь в бухте Матаваи на глубине тринадцати саженей. С берега сразу же двинулась новая огромная толпа в каноэ. Однако какое-то время ни один человек высокого положения на борт не поднимался.

Я шутил с несколькими девушками, которым раздал мелкие подарки, когда слуга Блая сообщил, что капитан желает видеть меня внизу. Я застал его одного в каюте, склонившегося над картой бухты Матаваи.

— А, мистер Байам, — сказал он и указал на сундук. — Садитесь. Мне нужно с вами поговорить. Скорее всего, мы проведём здесь несколько месяцев, пока мистер Нельсон соберёт молодые хлебные деревья. Я освобождаю вас от дальнейшей корабельной службы, чтобы вы могли полностью заняться поручением моего доброго друга сэра Джозефа Бэнкса. Он сделал паузу.

— Я подумал и пришёл к выводу, что лучше всего вы справитесь с работой, если будете жить на берегу среди островитян. Теперь всё зависит от выбора вашего *тайо*, то есть друга.

Советую не торопиться. Люди высокого положения на Таити, как и везде, не выставляют себя напоказ. Если по ошибке выберете друга из простого народа, работа сильно усложнится.

— Кажется, я понимаю, сэр.

— Именно. Не спешите. Проведите на берегу день или два, столько времени, сколько понадобится, и когда найдёте семью, которая вам понравится, сообщите мне. Я наведу справки об их положении. Как только выберете *тайо*, можете перевезти на берег сундук и письменные принадлежности. После этого я не намерен видеть вас чаще одного раза в неделю, когда будете докладывать о продвижении словаря. Он коротко, но дружелюбно кивнул.

Я понял, что разговор закончен, и поднялся на палубу. Фрайер жестом подозвал меня.

— Виделись с мистером Блаем? — крикнул он сквозь шум. — Вчера вечером он сообщил, что по прибытии сюда вас освободят от службы. Островитян бояться нечего. Можете выходить на берег, когда пожелаете. Своими вещами разрешено одаривать местных, но торговать нельзя. Вся торговля поручена мистеру Пекову.

Он посмотрел на меня с интересом.

— Насколько понимаю, вы должны составить словарь местного языка?

— Да, сэр. По просьбе сэра Джозефа Бэнкса.

— Достойное дело. Даже небольшое знание языка сильно поможет будущим морякам в этих водах. И повезло вам, мистер Байам! Действительно повезло. Завидую вам, честное слово.

В этот момент от борта отходило двойное каноэ, доставившее в подарок от какого-то местного вождя несколько прекрасных свиней. Мне не терпелось ступить на землю.

— Могу я уйти с ними, если они согласятся взять меня?

— Конечно. Окликните их.

Я подбежал к борту и крикнул человеку, стоявшему на корме одного из каноэ и явно распоряжавшемуся остальными. Когда он посмотрел на меня, я показал сначала на себя, потом на каноэ, потом на берег. Он понял мгновенно и выкрикнул приказ гребцам. Они дали задний ход, и высокая корма каноэ приблизилась к борту «Баунти», поднявшись почти до уровня фальшборта.

Я перелез через леер и скользнул вниз по полой кормовой части. Гребцы обернулись и с улыбками встретили меня радостным криком. Их старший выкрикнул команду. Два десятка вёсел одновременно вошли в воду. Каноэ устремилось к берегу. От холма Одного Дерева до мыса Венеры тянулся примерно на полторы мили изогнутый пляж из чёрного вулканического песка. Мы направлялись к его середине. У берега сильно бил прибой.

Когда каноэ подошло к линии волн, человек на корме соседнего судна схватил тяжёлое рулевое весло и крикнул что-то гребцам. Те сразу перестали грести, пропуская несколько волн. На берегу нас ждала плотная толпа островитян. Вдруг рулевой рядом со мной закричал и крепче перехватил весло:

— А хоэ! Тейе то аре рахи! «Гребите! Вот большая волна!»

Эти слова я запомнил, потому что потом слышал их множество раз. Гребцы одновременно навалились на вёсла, тоже крича. Огромная волна подняла нас высоко и понесла к берегу. Рулевой удерживал каноэ кормой к волне, напрягая руки так, что мышцы вздувались под кожей. Мы пронеслись далеко на песок. Десяток людей на берегу тут же ухватился за каноэ, не давая обратной волне утащить его назад.

Я выпрыгнул, когда вода отступила, и поднялся выше линии прибоя. Тем временем под судно подкладывали катки, и двойное каноэ с криками и смехом вытаскивали к длинному навесу с соломенной крышей. Через мгновение меня окружила такая плотная толпа, что стало трудно дышать. Но люди держались удивительно добродушно и вежливо — такой толпы, пожалуй, не встретишь в Англии. Каждый стремился приветствовать меня и показать радость от моего появления.

Шум стоял оглушительный: все говорили и кричали одновременно. Маленькие дети с яркими тёмными глазами цеплялись за юбки матерей и смотрели на меня настороженно. Их родители проталкивались вперёд, чтобы пожать мне руку. Позднее я с удивлением узнал, что рукопожатие было у таитян очень древней формой приветствия. И вдруг всё стихло так же внезапно, как началось. Люди почтительно расступились. Ко мне шёл высокий мужчина средних лет, державшийся с естественной уверенностью человека, привыкшего к власти. По толпе прошёл шёпот:

— О Хитихити!

В отличие от большинства местных мужчин, носивших короткие бороды, он был гладко выбрит. Густые волосы, уже тронутые сединой, были коротко острижены. Набедренная одежда и короткий плащ с бахромой отличались прекрасной работой и безупречной чистотой. Ростом он был заметно выше шести футов, кожа светлее, чем у большинства его соплеменников, а сложение — великолепным. Открытое, твёрдое и одновременно весёлое лицо понравилось мне с первого взгляда.

Я сразу понял: передо мной человек совершенно иного положения, чем все островитяне, которых я видел до сих пор. Он подошёл с достоинством, крепко пожал мне руку, а затем внезапно взял за плечи и прижал нос к моей щеке, несколько раз громко втянув воздух. Я растерялся от необычного приветствия, но почти сразу догадался, что это и есть то самое «трение носами», о котором писали Кук и другие путешественники. В действительности таитяне скорее обнюхивают щёку — для них это примерно соответствует нашему поцелую. Отпустив меня, незнакомец отступил на шаг. Толпа одобрительно загудела. Он указал на широкую грудь и сказал:

— Я — Хитихити. Ты — мичман. Как имя?

Я настолько удивился английским словам, что несколько секунд просто смотрел на него. Судя по всему, люди вокруг как раз и ждали моей реакции. Моё изумление вызвало множество удовлетворённых улыбок и возгласов. Хитихити, явно довольный собой и произведённым впечатлением, повторил:

— Как имя?

— Байам, — ответил я.

— Байам! Байам! — повторил он, кивая.

— Байам! Байам! — повторил он с таким восторгом, что имя моё тут же подхватила вся толпа.

Хитихити снова указал себе на грудь.

— Четырнадцать лет назад, — сказал он с гордостью, — я плавал с капитаном Куком!

— Туте! Туте! — подтвердил стоявший рядом маленький старик, словно боялся, что я не пойму. Мне вдруг страшно захотелось пить.

— Можно воды? — спросил я. Уже давно мне приходилось пить только отвратительную корабельную воду.

Хитихити сразу встрепенулся и схватил меня за руку. Он крикнул что-то людям, и несколько мальчиков и юношей тут же побежали в глубь острова. Затем повёл меня вверх по крутому склону за пляжем, к простому навесу, где несколько молодых женщин поспешно расстелили циновку. Мы сели рядом. Толпа тем временем всё росла: люди подходили с обеих сторон побережья и рассаживались на траве вокруг.

Мне подали мокрую тыквенную чашу, до краёв наполненную прозрачной холодной водой из близкого ручья. Я пил долго и жадно, а потом поставил сосуд, опустошив его наполовину, и невольно вздохнул от удовольствия. Следом мне дали молодой кокос. Это был мой первый вкус прохладного сладкого напитка Южных морей. Рядом расстелили широкий лист, и молодая женщина положила на него спелые бананы и ещё несколько плодов, которых прежде я никогда не видел.

Я с жадностью принялся за еду. И тут в толпе поднялся крик. Я увидел, что через прибой к берегу идёт баркас «Баунти». На корме сидел Блай. Хитихити вскочил.

— О Парай! — воскликнул он.

Пока лодка подходила, он повернулся ко мне:

— Ты, я — тайо, да?

Хитихити первым встретил Блая. Было видно, что они хорошо знают друг друга. И капитан сразу узнал его.

— Хитихити, — сказал Блай, пожимая ему руку, — ты почти не постарел, мой друг. Только седины прибавилось. Хитихити рассмеялся.

— Десять лет, да? Очень долго! Клянусь Богом, Парай, ты растолстел!

Теперь рассмеялся Блай и потрогал себя за далеко не узкую талию.

— Иди на берег, — энергично продолжал Хитихити. — Много свиньи! Где капитан Кук? Скоро будет Таити?

— Мой отец? Хитихити изумлённо уставился на Блая.

— Капитан Кук — твой отец?

— Конечно. Разве ты не знал?

Несколько мгновений вождь стоял совершенно ошеломлённый. Затем вдруг оживился, поднял руку, призывая толпу к тишине, и начал говорить. Я не понимал ни слова, но сразу увидел, что Хитихити — искусный оратор. И без труда догадался, о чём он сообщает: Блай — сын капитана Кука. Мистер Блай стоял рядом со мной и тихо сказал:

— Я приказал всем нашим людям не говорить островитянам, что капитан Кук умер. Думаю, вера в то, что я его сын, поможет нам быстрее выполнить задачу.

Подобный обман несколько смутил меня, но я знал, каким почти священным почитанием окружено на Таити имя Кука, и понимал, что, если исходить из принципа «цель оправдывает средства», Блай действует весьма разумно. Когда Хитихити закончил речь, среди островитян поднялся возбуждённый говор. Теперь они смотрели на Блая иначе — с ещё большим интересом и почти благоговейным страхом. В их глазах сын капитана Кука был едва ли не полубогом.

Я воспользовался случаем и сообщил Блаю, что Хитихити предложил стать моим *тайо* и, если капитан не возражает, я хотел бы согласиться. Тем более что он хотя бы немного говорит по-английски.

— Отлично, — кивнул Блай. — Он влиятельный вождь в этой части острова и состоит в родстве почти со всеми главными семьями. А английский, который он выучил на «Резолюшн», действительно сильно поможет вам. Он повернулся к Хитихити.

— Хитихити!

— Да, Парай.

— Мистер Байам говорит, что вы теперь друзья. Хитихити кивнул.

— Я, Байам — тайо!

— Хорошо. Мистер Байам — сын вождя у себя на родине. У него будут для тебя подарки. А ты в ответ возьмишь его к себе в дом. Пока мы здесь, его задача — изучать ваш язык, чтобы английские моряки могли разговаривать с вашими людьми. Понимаешь?

Хитихити повернулся ко мне и протянул огромную руку.

— Тайо, да? Мы пожали друг другу руки.

Вскоре каноэ отправили к кораблю за моими вещами. И уже в ту ночь я спал в доме своего нового друга — Хитихити-Те-Атуа-Ири-Хау, вождя Махины и Ахону и наследственного верховного жреца храма Фарерои.

Глава VI

Таитянский дом

Я и сейчас отчётливо помню нашу прогулку в тот первый день: от места высадки к мысу Венеры, затем дальше на восток, за второй длинный изгибающийся песчаный пляж, о который с шумом разбивались волны, — к дому моего *тайо*. Он стоял на травянистом мысу, защищённом от моря короткой полосой кораллового рифа. На рифе лежал крошечный прекрасный островок Моту-Ау.

До него было не более половины кабельтова. Белоснежный коралловый песок на берегу резко контрастировал с тёмной зеленью высоких деревьев, подступавших почти к самой воде. Между берегом и островком простиралась лагуна — тёплая голубая вода глубиной две-три сажени, прозрачная как воздух.

Мы всё время шли в тени хлебных деревьев, на которых уже начинали созревать плоды. Судя по толщине стволов и высоте, многим деревьям было, должно быть, очень много лет. Широкие блестящие листья, гладкая кора и величественная крона делали хлебное дерево одним из прекраснейших тенистых деревьев, какие мне когда-либо доводилось видеть, и уж, несомненно, одним из самых полезных человеку.

Тут и там высоко над ними поднимались стройные стволы старых кокосовых пальм. Среди рощ, будто разбросанные без всякого порядка, виднелись дома островитян под ярко-жёлтыми крышами из пальмовых листьев, окружённые бамбуковыми изгородями. Моему хозяину было не больше сорока пяти лет, однако он уже много раз становился дедом. Когда после получасовой прогулки мы подошли к дому, навстречу ему с радостными криками выбежала дюжина крепких ребятишек.

Увидев меня, они сначала остановились, но страх быстро прошёл. Вскоре дети уже карабкались по ногам Хитихити и с обезьяньим любопытством разглядывали мою странную одежду. К тому времени, когда мы дошли до двери, у вождя на каждом плече сидело по мальчику, а старшая внучка вела меня за руку. Дом был великолепен: около шестидесяти футов длиной и двадцати шириной, с высокой недавно перекрытой крышей. Вместо обычных фронтонов оба конца были закруглены полукругом, отчего всё строение имело овальную форму. Такие дома строили только для вождей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.